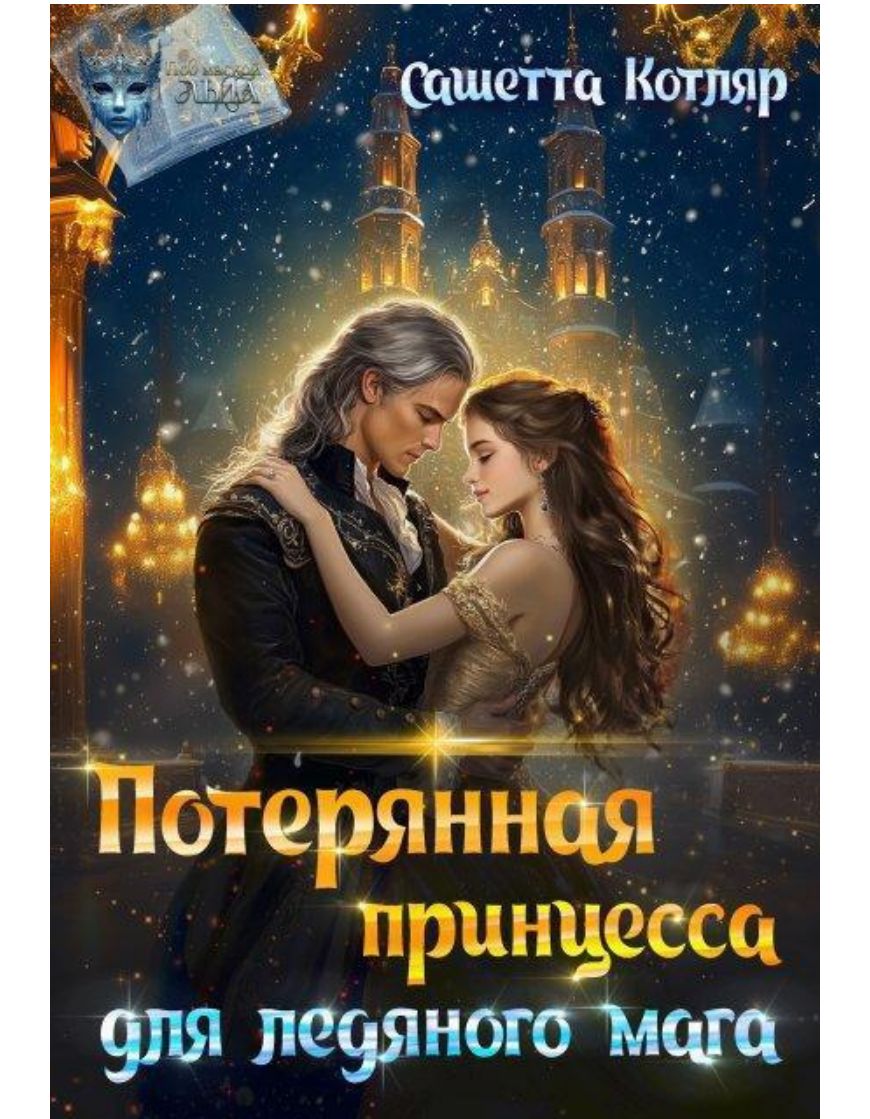




Сашетта Котляр

**Потерянная
принцесса
для ледяного мага**

Сашетта Котляр

Потерянная принцесса для ледяного мага

<https://litres.ru/74207609>

Аннотация

Двадцать лет назад для всех я умерла. По глупости, в одиночку бросившись в сражение с взрослой виверной. Я думала, что нет ничего ужаснее безответной любви, и готова была это доказать. Глупая потерянная принцесса, уверенная, что весь мир должен выполнять её желания. Меня спасли в тот день. Он шептал, что я достойна большего, и дал огромные силы. Но взамен я должна выполнять всё, что прикажет мой покровитель, иначе меня ждут вечные муки. Он приказал убить того, ради чьей любви я умерла двадцать лет назад... а я боюсь даже смотреть в глаза Люциану, не зная, как его спасти. Он не живёт, а существует с тех пор по моей вине, и всё же...Бал в магической академии в честь Новогодья — время выбора. Убить любимого или сгинуть уже навеки.

встреча через время зимняя сказка лед в сердце мужчины любовь♥# магическая академия трудный выбор для героини раскаяние и искупление ХЭ

Однотомник.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	28
Глава 3	47
Глава 4	56
Глава 5	72
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Пролог

20 лет назад

Сегодня Люциан во дворце один. Нет ни его противной жёнушки, ни сына. Значит, он должен меня выслушать. И если он откажет... я знаю, что делать дальше. Хватит! Я не могу так. Смотреть, как он ей улыбается. Как ей поправляет манто. Как нежно гладит по волосам и весело шутит...

Я не могу так! Этот человек не может больше прикрывать меня в бою, если он только её. Я должна сказать ему... или вся моя жизнь не имеет никакого смысла. Она всегда такой была, но я думала, что мы есть друг у друга, а оказалось, это лишь мои глупые фантазии. А я... кажется, я просто его задача? Я должна это знать!

Собиралась как на войну. У меня давно есть собственные доспехи — Люциан и помог сделать заказ у кузнеца по моим меркам. Есть и меч, и даже навык. Я больше не ворую шпаг у отца, да и не нравится мне эта острая иголка. Она почти бесполезна там, где начинается реальный бой.

Обереги Люциана не стала крепить, как обычно, к доспехам, а просто взяла с собой. Если он мне откажет, то они мне больше не нужны. Хватит. Я не могу так больше жить! Эта боль в груди слишком невыносима, я не для неё...

Только одним амулетом Люци я решила воспользоваться, когда собралась к нему. Тем, что делает шаги бесшумными.

Это просто необходимость — иначе я бы гремела, как переполненная посудой повозка. Ни у кого не должно возникнуть ко мне вопросов. Ни почему я в таком виде, ни что забыла в покоех Люциана.

Отец пока не дал ему должности придворного мага — Люци слишком молод. Но он числится учеником Дарасиуса, и давно делает всю работу. Мне ли не знать? И сейчас мне это на руку, иначе моего мага не было бы в этих покоех. Задумалась на мгновение, стоит ли пользоваться потайным ходом, но... Люциан о нём знает. Не знает всей сети ходов, конечно, они доступны только нашему роду, но знает, как я могу попасть к нему. А так меня точно не поймают.

Холодные каменные стены как будто только увеличивают решимость, и я касалась камня кончиками пальцев, чтобы напитать его силой свою решимость. Наконец, потайной ход кончился, и я, не давая себе времени передумать, нажала на рычаг. Здесь нельзя было даже постучать — ну и пусть его. Застать его врасплох даже хорошо. Не будет времени придумать убедительную ложь.

Едва каменная стена отодвинулась в сторону, я оказалась прямо в покоех Люциана. Рядом со шкафом, где он хранил одежду и напротив его постели. Маг не спал, к моему счастью. Он сидел на ней в одной рубашке и холщовых брюках, и смотрел прямо перед собой. Когда я вошла, он вздрогнул, и два больших зеркала слева от изножья кровати отразили его недоумённое лицо.

Он был красив, мой Люциан. Длинные чёрные волосы, ныне рассыпавшиеся по плечам — обычно он собирал их в хвост, чтобы не мешались. Большие глаза цвета весенней листвы, неяркие, но уже такие родные и мудрые. Чуть полноватые, чувственные губы, которые так хотелось поцеловать. Немного искривленный нос — он отбивал меня у уличного отребья, когда я сбежала из дворца, и даже забыл про свою магию. Даже брови у Люциана, и те были совершенны, словно нарисованные лъстивым художником чёткие чёрные линии. И высокие скулы, которые, казалось, могут уколоть пальцы, если их коснуться.

Высокий, стройный и гибкий, как молодая ива, он привлекал внимание, и не только моё. Но мне казалось, что никого кроме меня ему не нужно. А он связался с этим белобрысым чучелом, когда отец на это едва намекнул. Даже не спорил! И теперь стоял, чуть приоткрыв рот, не в силах смириться с тем, что я пришла требовать свои ответы.

— Беатрис? Что ты здесь делаешь? — наконец, совладал с удивлением Люци. — Я думал, ты спишь в своих покоях. Уходи, мы уже не дети, это неприлично. У тебя будут проблемы, если твой отец узнает.

На мгновение, я замерла. Я столько раз репетировала этот разговор в голове, а теперь, когда Люциан передо мной, и больше нам никто не в силах помешать, признание не рвётся с губ. Почему это так сложно! Неужели он и сам не понимает, что я не привыкла говорить такие вещи. Разве не очевид-

но, что я люблю его! Этого невозможно красивого, умного, талантливого бесчувственного чурбана!

— Беатрис? Послушай, чем дольше ты в моих покоях, тем хуже для нас обоих. Если ты хотела мне что-то сказать, то... — лиственнно-зелёные родные глаза смотрели со смесью осуждения и беспокойства. Я закусила губу на мгновение, а потом выпалила на одном дыхании:

— Я люблю тебя, Люциан. Все эти годы, всегда любила. Давай сбежим?! Не будет двора, не будет этих людей, которые решают за нас, как нам жить. Ты же маг, ты везде годишься, мы справимся вдвоём!

Я думала, он улыбнётся. Надеялась на его радость. Но его лицо как будто потеряло все краски. Люциан посмотрел мне прямо в глаза, и устало произнёс:

— Даже если ты правда в этом уверена, Беа... в любом случае, поздно. У меня есть семья, сын. Я никогда не смогу бросить своего ребёнка. Если бы ты призналась раньше... но не теперь, — он говорил очень ровным тоном, в котором мне слышался приговор.

Брызнули слёзы. Я чувствовала себя так, словно в уши забила вода. Он просто не может! Ведь ничего же не случится с его сыном, даже если мы уедем, его белобрысая — аристократка, и её отец богат! Зачем этому ребёнку ещё и мой Люци?! Если только...

Я швырнула в него амулеты, которые он сделал для меня, чтобы защитить. И прокричала, не боясь, что нас услышат:

— Тогда не спасай меня! Я сама убегу, слышишь! Зарублю виверну, и стану охотницей на чудовищ. Не нужна мне твоя защита. Свою белобрысую защищай, раз она тебе дороже. Лучше уж я сгину, чем буду смотреть, как ты с ней нежничает, а меня не замечаешь!

Люциан поднялся и мрачно прошипел:

— Не замечаю? Да я вечность торчу у твоего левого плеча и разбираюсь с неприятностями, в которые ты влезла! Думаешь, это от большой любви к глупостям?! Ты — принцесса, Беатрис! Это статус, который накладывает на тебя обязанности. И по-хорошему я давно должен был рассказать Его Величеству обо всех твоих выходках!

Он говорил тихо, но всё равно было такое чувство, словно на меня кричат. Я швырнула последний оберег ему в лицо и прокричала:

— Это не глупости! А если я такая плохая, значит, так тому и быть! Пусть матушка с отцом родят себе нормальную принцессу, а ты... живи со своей женой!

Я развернулась обратно в потайной ход и побежала, не глядя. Теперь мои доспехи гремели, но лошадь уже ждала в укромном месте, и прежде, чем они поймут, что искать нужно меня, я уже успею уехать далеко отсюда. Я найду эту виверну, которая жрёт наших крестьян! И либо сделаю что-то, благодаря чему он меня заметит, либо сгину.

За моей спиной раздался оглушительный звон, но я не обернулась. Пусть его! Если он способен хоть что-то чув-

ствовать, мне же лучше. Ему будет стыдно за то, что он так со мной поступил! Бросил, ради навязанной жены, которую ему подсунил отец. Они все пожалеют, что не ценили и не любили меня, все! И отец, и Люци, и матушка. Все поймут, что я заслуживала большего, но будет поздно! Я не вернусь больше!

Бежала, не разбирая дороги, но родной дворец я знала получше многих, и не успела столкнуться с проснувшимися слугами. А уж как избегать постов стражи я знала лучше всех, не впервой. Наконец, я услышала тихое конское ржание, и бросилась к вороному. Запрыгнула в седло, и ударила коня шпорами по бокам. Я знаю, куда мы отправимся! Я уже была там! Логово виверны не так уж и далеко, мы доберёмся туда и без отдыха.

Жаль, что нельзя взять с собой мою Лассу, но лошадь Её Высочества Беатрис слишком приметна. А вороной конь... мало ли в Лерне черных лошадей? Никто меня не остановит. Никто. И либо я вернусь с победой, и уеду из страны, либо не вернусь вовсе.

Казалось, даже конь ржёт на меня с каким-то осуждением. И замок смотрит мрачным взглядом, пытаясь остановить. Но в голове звучали слова Люциана:

— Ты — принцесса, Беатрис! Это статус, который накладывает на тебя обязанности. И по-хорошему я давно должен был рассказать Его Величеству обо всех твоих выходках!

Ни слова о любви, или хотя бы о дружбе. Я не нужна ему,

так к чему всё это? Если даже Люциан на самом деле меня презирает, то какой вообще во всей моей жизни смысл...

Он же почти сказал, что я избалованная дура, которая не способна быть хорошей принцессой. Я и в самом деле не чувствую себя на это способной. Я хочу совершать подвиги! Хочу быть с Люци, в конце концов, а не выйти замуж за какого-нибудь иностранного короля, чтобы он правил и в Лерне, и в своей стране. И никакого консорта я не хочу тоже. Единственный, кого я готова была бы видеть рядом — женат на этой мерзкой блондинке, и не собирается от неё уходить...

Я ждала погони. Думала, что Люци поднимет всех в замке, и меня будут пытаться вернуть. Но мы мчались с моим вороным, а я даже не слышала звуков преследования за спиной. Неужели за мной пока никого не отправили?! Я и себе бы не ответила, почему, но внутри закололо от обиды, а из глаз снова потекли слёзы. Неужели я настолько бесполезна, что никому не интересно, где я...

Виверна поселилась в заброшенной каменоломне. Когда-то здесь был обвал, и каменщики покинули это место, оставив карьер и искусственную пещеру при нём. Там-то и окопалась огромная драконоподобная крылатая тварь без передних лап. На охоту летала по соседним деревьям, и не брезговала ни человеком, ни коровой. Чаще всего охотилась на больных и ослабевших, поэтому к отцу то и дело приходили просители, умоляющие что-то с виверной сделать.

Но никто не справился из тех, кто шёл на неё. А я долж-

на справиться! Убить тварь, доказать себе, что мои занятия не баловство, и пропасть. Пусть все думают, что я умерла. Я найду другое место в жизни, найду! На ржание коня, который волновался и явно не хотел приближаться к логову чудовища, никто не вышел. Я осмотрела карьер. Пыль, грязь, обломки камня, и следы прошлого завала. Спуститься к пещере было сложно, но я всё равно начала, сначала спешившись. Если я выживу, мы с конём найдёмся, а если нет — ни к чему обрекать зверя на смерть, и привязывать. Проголодавшаяся виверна его сожрёт, а я не хотела ему такой судьбы.

Прежде чем отпускать коня, я отвязала седельные сумки, и взяла несколько амулетов. Не те, что делал для меня Люциан, а купленные в лавке, когда я выбиралась в город инкогнито. Но лучше так, чем вовсе без магической защиты. Пользоваться тем, что творил для меня этот лицемер, не хотелось, да я и не могла больше. Всё оставила у него. Но я всё-таки хотела бы справиться с чудовищем, а не просто сложить голову.

Правда... я не успела даже подвязать все амулеты, только отпустить вороного. И эта огромная туша вышла ко мне, повернув голову на бок, словно кошка. Виверна не считала меня за угрозу, скорее думала, что новая игрушка сама явилась в её логово. Но я училась. Тренировалась. Поэтому не дала страху взять над собой верх, и перехватила меч поудобнее. У виверн есть уязвимые точки, их чешуя не везде прочна, как сталь. Определенное место на брюхе. Шея. Глаза. Крылья,

пока она на земле.

Лучше бы со мной был хоть какой-нибудь маг, но эта мысль пришла в голову только сейчас. Виверны не плевались огнём, они вообще не были связаны со стихиями. Просто крушили всё мощными лапами, и впивались в плоть огромными челюстями. Лишь бы только не попасть под её шипастый хвост, тогда у меня совсем не будет шансов. Я себе это представляла не так!

Но виверну совершенно не волновало, что я там себе успела придумать. Она стремительно подошла ближе, и лениво ударила по земле лапой. Щебень взметнулся вверх, и я закашлялась. Дура, какая же я дура! Нужно было прикрыть глаза и рот! Они же не просто животные, виверна намного умнее, чем свинья или корова, хоть и не дотягивает до чело- века.

Тварь издала странный клёкот, напомнивший мне глумливый смех, и щёлкнула зубами в нескольких шагах от меня. Я отскочила, и попробовала ударить её мечом куда-то в брюхо, но сталь лишь царапнула по невероятно прочной чешуе. Я едва не выронила меч, и отскочила снова. Это чудовище... оно играло со мной, как кошка с мышью.

Я ударила снова — несколько раз, пытаясь нанести серию ударов, как учил мой наставник по фехтованию. Но виверне эти удары не принесли никакого вреда, она лишь стремительно развернулась, и мощным ударом лапы выбила из рук меч. Я вскрикнула, почувствовав хруст собственных костей.

Тварь оскалилась, и бросилась на меня, уже не играясь.

За эти короткие мгновения я успела в красках представить, как клыки виверны будут терзать моё тело, но оказалась совершенно не готова к тому, каково это на самом деле. Никогда в жизни я не испытывала такую боль. По ушам ударил нечеловеческий крик, и я не сразу даже поняла, что это мой собственный. Повсюду была кровь, а перед глазами плясали цветные мушки, но чудовище не спешило убивать.

Я всё ещё была в сознании, только хорошо понимала, что это ненадолго. Люци, прости меня, я такая дура... такая...

Мир померк раньше, чем я успела додумать мысль. Но боль не исчезла, как и нечто вокруг меня. Я видела лишь тьму, только в этой тьме виднелся загадочный силуэт. Как будто бы мужчины, только... с крыльями? Крылья, сотканные из самой черноты, которые неведомым образом были видны там, где кроме мрака ничего и не было. Невероятное и очень странное зрелище.

А следом за видением мужчины с крыльями пришёл и голос. Бархатный, ласковый, пробирающийся в самое нутро, под кожу, которой я не чувствовала:

— Наивное светлое дитя, которому было суждено так много, а дано было времени среди смертных так мало, — нежно произнёс незнакомец. — Неужели леди Беатрис не желала бы продлить свои земные дни? Должно быть, ваши отец и матушка будут очень скорбеть. Вы же единственная их дочь, я не ошибаюсь?

Я совершенно точно не могла говорить, меня зашибла виверна. И всё же я произнесла:

— Кто вы такой? Я наследная принцесса, дочь Его Величества Беренгара Седьмого, а никакое не дитя!

Крылатый незнакомец рассмеялся.

— Я тот, кто приходит в час нужды. Тот, кто может протянуть тебе руку сквозь жизнь и смерть, и кто видел столько принцесс, что не хватит волос на твоей прелестной головке, чтобы сравниться числом. Ты мертва, маленькая принцесса. Сейчас, пока я держу вас, моя леди, меж жизнью и смертью, ваше тело терзает виверна, на которую вы столь отважно бросились. Но всё ещё можно изменить, мне подвластно многое... вопрос лишь в том, готовы ли вы заплатить мою цену.

— Цену? Что... что вы хотите за свою помощь? — я и сама не знала, зачем спрашиваю.

Если он действительно на такое способен, значит это один из слуг Зеркала Лжи. Но Люци! И мама... ей будет очень больно без меня.

Словно наяву я увидела, как от ярости Люци за моей спиной разлетаются зеркала в его покоях. И вся комната, где мы разговаривали, покрывается снегом и льдом.

И затем, другая картина — утро, Люци докладывает отцу о моём побеге, ничего не тая, и считая себя виновным в нём. Он бледен, решителен, и как будто успел постареть за эту ночь.

— Я недооценил порывистость Её Высочества. Думал, если я не буду её останавливать, она решит, что угроза не помогла, и останется в замке. Кроме того, мне казалось, принцесса любит жизнь и не пожелает ею рисковать.

Отец мрачно прорычал:

— Скажи уж прямо, Люци. Ты думал, что избалованная глупая девочка просто хочет новую игрушку, и если поймёт, что шантажом ничего не добьётся, то обратит внимание на что-то ещё. Куда по-твоему она отправилась?

— Это моя вина, Ваше Величество, и я готов к казн... — начал было Люциан.

— Я не буду никого казнить из-за глупости Беатрис! — рявкнул папа. — Это моя вина, не твоя. Я слишком потакал ей и её матери. Расскажи всё, что знаешь. Мы отправим погоню, и найдём Беа.

— Как вам будет угодно, Ваше Величество.

Третья картина — отец постарел тоже. Он снова с Люци, и рядом с ним матушка.

— Сотни воинов искали Беатрис... но боюсь, мы никого уже не найдём. Проклятая девчонка как сквозь землю провалилась! Я боюсь, что... — он не договорил, и матушка бросилась в слёзы.

— Это моя вина! Моя! Ты был прав, всё это время ты был прав... — она зашла в рыданиях, и Люци неловко отвёл взгляд. Отец обнял её, но ничего не сказал. Это... это я с ними сделала?

— Я согласна! Верните меня, я согласна! — сорвалось прежде, чем я успела подумать. Мне нужно вернуться к ним. Я должна попросить у матушки прощения, да и у Люциана тоже, я должна быть там!

Послышался смех. Незнакомец проворковал:

— Я знал, что вы сделаете верный выбор, Беатрис. Если вы искренне уверены, что желаете служить мне за возвращение к жизни, вам достаточно лишь коснуться окровавленной ладонью этого листа.

Я вновь начала чувствовать своё тело. Боль, везде боль. Металлический запах крови. Холод в пещерах рядом с карьером. А рядом с ладонью появился лист какой-то странной бумаги. Выделанный пергамент из кожи? Но ведь бумага удобнее... я едва видела, понимала лишь, что мы снова в пещере. И всё же понимала, что та бумага исписана какими-то словами.

— Мне... мне же нужно это прочесть?.. — спросила.

— Я могу и отозвать своё предложение, если вы будете слишком долго думать, — бархатно проговорил крылатый мужчина. — Многие желают вернуться, но не всем даётся второй шанс. Вы особенная, Беатрис. Не потому, что принцесса — сами по себе, — он улыбался, и я невольно отметила, насколько он красив. Словно ожившая мечта — только не моя. Моей мечтою несмотря ни на что был и остаётся Люциан.

Я протянула окровавленную руку к пергаменту. И в тот

же миг всё переменилось.

Глава 1

Ещё один пустой и тяжелый день. Руки как будто до сих пор пахли кровью. У Хозяина было много поручений к каждому из нас, и порой мне казалось, что одно другого гаже. Плевать ему было, кем ты был до рокового контракта. Странником или героем, бедным крестьянином или принцессой — в роли его рабов мы все были равны.

Для каждого варлока — носителя контракта — лучшим было время, когда Хозяин забывал о нём. Переставал появляться на пороге, не шептал очередное жуткое задание в мыслях. Откладывал инструмент за ненадобностью. Так бывало у многих, но не у меня.

Этот бархатный голос, когда-то давно показавшейся глупой юной принцессе красивым звучал в моей голове так часто, что порой хотелось умолять о тишине. Но я не смела. Хозяину нравилось, когда нам плохо. Он любил причинять боль. Любил свою власть над нами.

Иногда мне казалось, что надо мной — особенно сильно. — Ах, кошечка Беатрис. У меня ещё никогда не было такого полезного, и в то же время настолько неразумного инструмента! Этот трюк мог сработать только с тобой, любой другой на твоём месте хотя бы ознакомился бы с контрактом. Но принцессу не научили осторожности, а? Иначе я сомневаюсь, что она кинулась бы в пасть Лессанне. Даже виверна

удивилась, когда еда сама пришла в её логово, — глумливо смеялся он почти сразу после подписания контракта.

И пил мой стыд, словно изысканное вино, не скрывая наслаждения. Он всегда был разным, наш Хозяин. И неизменно — демонически, порочно красив. Печать его порока ложилась даже на лицо...

Скривилась от отвращения, не позволив себе додумать мысль. Дешевая таверна, где я остановилась, не защищала даже от воров, а уж от Хозяина меня не защитили бы и самые прочные стены на свете. Я сама передала в его когтистую лапу ключ от своей души, и он владел этим ключом, ни на миг не переставая напоминать мне о том, кто я есть.

Села на постели. После воскрешения мне не так нужен сон, я почти не постарела, да и без еды могу обходиться куда дольше обычного человека. Но меня немного успокаивало, когда я делала что-то, бесполезное для Хозяина. Хотя бы и сидела на кровати в комнатушке дешёвой таверны.

Но едва я хотела выйти из комнаты и попросить трактирщика подать ужин, как услышала за своей спиной ненавистный голос. И обернулась, уже зная, что увижу не деревянную стену трактира, а Его владения. Хозяин владел нашей жизнью и смертью. И кроме того — мог забрать нас в свои чертоги откуда угодно. Так, что простые смертные даже не заметят его вмешательство. Надо мной его власть была абсолютной, всепоглощающей. И виновата в том была лишь я сама.

Обнаружила себя сидящей на ядовитых шипах вместо

мягкой постели, но не шелохнулась.

— Давно я не призывал тебя лично, кошечка Беатрис, — насмешливо заметил Хозяин. — Догадываешься, что это значит?

Не было смысла отвечать, что бы я ни сказала, он всё одно повернет мои слова по-своему. И за что-нибудь накажет. Но не было большего наказания, чем знание: меня вернули к жизни, только позволить вернуться к семье и к Люци никто не обещал. Да и зачем бы я Люци? У него семья, и наверняка уже больше одного ребёнка. В юности я злилась на его жену, но служба Хозяину многое меняет. Сейчас я надеялась, что из нас двоих хотя бы он счастлив, если это возможно.

Чтобы не длить тишину дольше, чем Хозяин готов терпеть, откликнулась:

— Вы придумали мне задание.

Обычно ему не нравилось, когда я отвечаю слишком сухо. Он начинал провоцировать, злить, дразнить. Но сейчас даже не обратил внимание:

— Ну зачем же такой общий ответ? Обычное задание я всегда могу нашептать тебе на ушко. Нет, Беатрис, — он подошёл ко мне, и взял за подбородок, заглядывая в глаза. — Как насчёт чуть большей вовлеченности в наш маленький словесный танец?

Сегодня его лицо было узким, заострённым, волосы рыжими, а глаза — большими и зелёными. Но я знала, что произойдёт совсем скоро. В этом Хозяин редко изменял себе,

если уж являлся по мою душу лично.

— Моя бы воля, я вернулась бы в прошлое и умерла от когтей виверны, — устало заметила я. — Вы не можете сделать мою жизнь ещё хуже, чем теперь. Я не буду играть в эти игры.

Он мелодично рассмеялся. Обманчивое впечатление. Мне ли не знать?

— Не стоит бросать мне такие вызовы, я ведь могу их и принять, — и клыкасто улыбнулся, продемонстрировав двойной ряд острых зубов. — Но тебе сегодня повезло, кошечка Беатрис. Или не повезло, с какой стороны посмотреть, а? — улыбка стала ещё острее, а потом прямо у меня на глазах черты лица растаяли, чтобы сложиться в лицо Люциана. Такого, каким я его помнила: отчаянного мальчишки, умного и ответственного не по годам.

— Ты же так хотела меня увидеть, Беа, — нежно прошептал Хозяин украденным голосом. — Мечтала хоть издали посмотреть на матушку и отца, которых столь подло бросила, ради мечты быть моей.

Должно быть, боль, как и всегда, отразилась у меня на лице, потому что «Люциан» расплылся в довольной глумливой улыбке. Сколько бы Хозяин ни играл эту ноту, она всегда была в самом сердце. Сейчас он даже не слишком старался действительно походить на Люци, но раньше... от мерзких воспоминаний кожу покрыли мелкие мурашки.

— Твой господин и повелитель будет настолько щедр, что

даст тебе эту возможность, — эффектно закончил он, и у меня вырвалось:

— Не надо! Не трогай их!

Ничуть не сомневалась, что встреча с близкими, как и всё остальное причинит лишь боль. Зря я, конечно, показала свою горечь. С другой стороны — разве могла я хоть что-то от него утаить? Проклятый контракт и моя собственная глупость дали в руки Хозяину все нити моей души, даже самые потаённые, и он дергал за них, как и положено безжалостному кукловоду.

— Вижу, ты уже догадываешься, — рассмеялся он. — Похвально, кошечка Беатрис, похвально, — внешность Люци истаяла, уступив место его любимой. Теперь он был черноглазым брюнетом, а за спиной раскинулись черные крылья. — Вижу, годы под моим крылом научили думать даже столь безнадежное создание. Потянуть ли время ещё немного? А, впрочем... мне нужен труп ректора Люциана, дорогая. Кто, как не ты — прекрасная кандидатка, чтобы избавить его от мучений этого мира?

Да, я и правда сказала глупость. Всегда есть, как сделать жизнь ещё невыносимее. Всегда. Я молчала, не желая слишком сильно радовать Хозяина. Он и так втягивал носом воздух рядом, словно хищник, почуявший кровь. Только что не облизывался, предвкушая мои страдания. Наконец, тишина ему надоела, и он снова заговорил.

— Что, ты даже ничего не скажешь? Разочаровываешь ме-

ня, кошечка Беатрис. А как же умолять поручить это кому-то другому? Или предложить убить сто человек, только бы я не трогал твоего замороженного мага? Прямо-таки возмутительно. Я надеялся на более яркую реакцию.

Посмотрела куда-то сквозь него, пытаюсь хоть немного скрыть боль, и едва слышно ответила:

— Я уже знаю, что всё бесполезно.

— Интересно, а если я прикажу тебе прирезать папочку, ты тоже будешь такая замороженная? — ухмыльнулся Хозяин. — Может быть мы это когда-нибудь и проверим... Ладно, давай так, а? Если ты выполнишь мой приказ в точности, тогда я дам тебе свободу. И ты больше меня не услышишь, кошечка Беатрис. И не увидишь, конечно, тоже.

Тут рассмеялась уже я. Верить тому, кто воплощает всю ложь, что есть в мире? Тому, кто искажает любое отражение и отражает чувства, как в кривом зеркале? Я уже один раз совершила глупость, доверившись Ему, и последние двадцать лет расплачивалась за это. Смех, должно быть, звучал совсем невесело, потому что на губах бога расцвела довольная улыбка.

— Ну-ну, разве я тебя когда-нибудь обманывал? Кто же виноват, что ты сначала подписываешь, а потом знакомишься с условиями контракта, — он усмехнулся. — Но раз кошечка Беатрис не хочет свободы, значит, будет служить мне как всегда — самозабвенно и просто так.

Раньше я попробовала бы выторговать условия получше.

Проиграла бы — но попробовала. Сейчас я не стала бы этого делать, даже иди речь не о Люци. Я устала. Слишком много крови, лжи, и мерзости. Я даже имя своё потеряла, что уж говорить о прочем. Уговорить Хозяина оставить Люци в покое невозможно. Значит, не следует и пытаться.

— Если ты надеешься, что получится спасти его жизнь — зря, — подтвердил свои намерения бог. — Люциан ди Альтезе должен умереть. А для того, чтобы ты подобралась к нему и сделала то, что требуется...

Он отошёл от меня, и пристально осмотрел. Я знала, что он видел. Не каштановые длинные волосы принцессы Беатрис. Нет, он давно дал мне иную личину. Миниатюрной блондинки с тонкими руками и ногами. Мне было противно смотреть на себя в зеркало, потому что я напоминала дурную пародию на супругу Люциана. Тот же чуть вздернутый нос, только губы пухлее, и глаза большие, ярко-синие, сразу привлекающие внимание. У неё были голубые.

Но дело даже не в том, что он дал мне внешность женщины, к которой я всю юность ревновала! Просто мне было стыдно перед Витторией. Я пыталась увести её мужа, забрать отца у её ребёнка — это так подло и глупо. И каждый день собственное отражение смотрело на меня почти её глазами. Порой мне даже говорили, что мы похожи, и спрашивали, не сёстры ли. Но это было давно. Тогда она была молода, а я только начала познавать жестокость и подлость того, кому служу.

Некоторое время Хозяин смотрел на меня, а потом прямо передо мной появилось зеркало в полный рост. И я начала меняться. Стала выше почти на голову, волосы сменили цвет на вороной, и удлинились почти до пояса. Черты лица заострились, и в них появилось что-то лисье, а над губой появилась кокетливая родинка. И даже очертания фигуры переменились, став более женственными, чем были у принцессы Беатрис. Но фигура была и не такой выраженной, как у Аннетки, чьё имя я носила много лет, потеряв собственное в угоду Хозяину.

Последними изменились глаза, приобретя глубокий, почти сапфировый цвет, совсем иного оттенка, чем у Аннетки. Когда-то я была кареглазой и думала, что это уродливо. Мечтала сменить цвет глаз на яркий и запоминающийся. Хоть одна моя детская мечта исполнилась, но я предпочла бы, чтобы этого не случилось. Одно осталось неизменным: Хозяину нравились девицы не старше двадцати лет, так что все мои личины оставались двадцатилетними.

Тот самый возраст, в котором поступают в академию. Об этом была наслышана даже я.

— Нарекаю тебя Марцелла Къезарро! Простолюдинка, двадцать лет, родители хотели дать образование, а не пристроить замуж, поэтому ждали двадцатилетия, чтобы поступила в Академию. Дар слабый, выраженно бытовой. Обожаешь учиться, компенсируешь слабый дар усердием и прилежанием, — Хозяин посмотрел очень внимательно, словно

не дорисовал пару мазков в моём лице. Затем там, в зеркале появился тонкий, но заметный шрам на левой щеке. — О шраме ты будешь загадочно молчать, но, когда твой будущий труп заинтересуется, дашь понять, что тебе больно о нём вспоминать. В ночь новогоднего бала ты должна будешь танцевать с Люцианом. И ровно в полночь ударить его вот этим в грудь, — он протянул мне кинжал.

Я заворуженно уставилась на оружие. Серебряная рукоять, украшенная сапфирами, извращенно гармонировала с моей новой внешностью. Адептка Къезаро была словно подобрана в масть к этому кинжалу. В остроте оружия не сомневалась ничуть, у Хозяина не бывает осечек. Он божественно точен и божественно же жесток.

— Да, мне тоже нравится, — усмехнулся тёмный бог. — Пока ты не захочешь ударить, легко спрячешь в рукаве любого платья. Это артефакт. Бить нужно именно им. Попробуешь поступить иначе, или пойти против моей воли — он ударит в твою грудь. И я советую помнить, моя дорогая Беатрис, если хотя бы *посмеешь*... — он не договорил, но на мгновение превратился снова в Люциана.

Точнее... в хорошо разложившийся труп Люци, притом взрослого, насколько я могла судить. Правда, быстро понял, что уже не пугает меня так сильно, как раньше. И сменил облик на иной. Тот, который мы, его варлоки, видели очень редко. И которого просто нельзя, невозможно не бояться, если ты вообще способен на страх.

Я не смогла бы описать это существо, оно было настолько искаженным и неправильным, истаявшим и многоглазым, что не подбиралось слов. Хотелось просто бежать, только из его владений — некуда. Но все эти бесчисленные глаза в глубине бесформенной злобной массы смотрели прямо в душу. Я не кричала. Только смотрела, и мелко дрожала. Но через некоторое время наваждение пропало, и Зерцало Лжи вернулся к обожаемому делу, вернув любимый облик:

— Поверь мне, я могу сделать невыносимой не только жизнь, но и смерть. И если ты нарушишь контракт при жизни — ты останешься в моей власти навсегда, Беатрис. У нас будет целая вечность, чтобы ты сполна познала все грани своего непослушания. Я ясно выражаюсь?

— Да, Хозяин, — просто ответила я.

Так Марцелла Кьезаро попала в число адептов Академии Лиарано.

Глава 2

В очереди поступающих было шумно, и никого не интересовала скромная простолюдинка Марцелла Къезаро. В отличие от меня, здесь все уже собрались в группки. Весело шутили, смеялись... Беззаботные птички. Вам ещё не сломали крылья. Хотелось бы и мне на самом деле быть обычной абитуриенткой, мечтающей поступить в академию.

Я слышала, что именно сегодня ректор Люциан будет сам принимать новых адептов, и выбрала день только поэтому. Хозяин дозволил мне это, вволю позабавившись. Высматривала Люци, глупо надеясь поймать хоть тень узнавания. Как будто ему пошло бы это на пользу, ха. Кроме того, в моей нынешней внешности ничего не осталось от покойной принцессы. Я сама себя не могла узнать, куда уж там Люциану, у которого прошла с того времени целая жизнь.

Увидела его, когда до моей очереди было далеко. И едва не ахнула вслух. Я помнила его цветущим юношей с листовенно-зелёными глазами. Сейчас передо мной был мужчина, на которого тенью легла боль прожитых лет. Огонёк на дне глаз погас, а волосы цвета вранова крыла теперь были пересыпаны серебром, отчего он казался обычным человеком, а не магом, чья молодость всегда длилась куда дольше. Бывший придворный маг и ректор академии как будто потускнел.

Бедный мой Люци, что я с тобой сделала!.. Но какой же ты мой, ты понятия не имеешь, кто такая адептка Марцелла. А принцесса Беатрис умерла в когтях у виверны. И всё же, так хотелось прикоснуться, стереть эту боль из его тяжелого взгляда. Попросить прощения — если меня вообще можно простить. Нельзя, особенно если я выполняю задание, которое поручил мне тёмный бог.

Хозяин, что всегда был рядом, едко произнёс в моей голове:

— *Ах, Беатрис, нежная моя кошечка... твои коготки должны впиться в ректора Люциана до того, как новый год вступит в свои права. Иначе ты пожалеешь о том, что моя виверна не спит на твоих тлеющих костях.*

Обдало холодом. Я помнила приказ. И помнила, что мне грозит, если я посмею его не выполнить. Помнил ли Хозяин, что для меня значит Люци, и способен ли вообще понять это? Не знаю.

— Абитуриентка Марцелла Къезаро, верно? — очередь дошла до меня неожиданно, и я снова вздрогнула. Родной голос был пропитан ядом, но как будто бы к любому, кто приходил сюда. Или я просто не привыкла слышать в этом голосе властные нотки. Когда-то Люци был... очень светлым. И совершенно не умел никому приказывать.

— Положите руку на артефакт, пожалуйста. Мы определим ваш уровень и направленность дара, и, если вы достаточно сильны — станете адепткой Академии Лиарано.

Драгоценный камень на артефакте сменил цвет, став насыщенно зеленым. Как и ожидалось, Хозяин легко обманул его. Принцесса Беатрис родилась без магического дара. Принцесса Беатрис мертва. В отличие от адептки Марцеллы Къезаро. Я поймала внимательный взгляд зеленых глаз, и в который раз пожалела о своей глупости. Мне стоило бы признаться, кто я такая, сразу. Но вернуть настоящую внешность против воли Хозяина я не смогу, да и он будет в бешенстве, и заберёт меня из Академии. Так что я задала тот же вопрос, что и сотни адептов до меня:

— А что значит этот цвет?

— Бытовая магия преобладает, уровень приближается к четырём элитринам, — спокойно ответил Люци. — Поздравляю, адептка Къезаро, вы приняты на факультет бытовой магии. Пройдите прямо по коридору, вас встретит куратор и проведет в комнаты предварительного зачисления. После торжественной церемонии распределения вы получите ключ от собственных комнат, а мы пока проверим ваши данные. Обычная процедура, вам не о чем переживать.

— Спасибо, ректор Люциан, — голос дрожал, но он наверняка списал всё на робость, свойственную юным девушкам.

— Не волнуйтесь слишком сильно. Если вы будете прилежны, и успешно сдадите первую сессию, никто вас из академии не выгонит, — он списал моё волнение на понятные ему причины. И ободряюще улыбнулся, отчего на мгновение

прожитые годы отступили. Сколько времени прошло, а я до сих пор...

— Благодарю вас за поддержку, — тихо пробормотала, и прошмыгнула в академию. Прямо по коридору, меня встретят. Да, проще думать об этом.

Ни к чему даже пытаться урвать немного тепла для себя. Люциан женат, у него есть дети, кроме того, сомнительно, чтобы он мог бы позволить себе что-то с адептками. Даже если бы и был свободен. А танец... я придумаю, как получить танец, и не травить при этом лишний раз душу ни ему, ни себе.

В голове послышался до отвращения знакомый голос:

— *Ах, я тебе не говорил? Какая неприятность. Дело в том, что у ректора Люциана уже пятнадцать с лишним лет как нет никакой жены. Она умерла родами, когда на свет появился его второй сын. А твой Люци просто не успел — интересное такое совпадение, а? После этого, говорят, и поседел, — я слышала в голосе бога явный сарказм. — Так что могла немного подождать, и выйти за него замуж. Второй раз, глядишь, и не отказал бы.*

Я замерла, почувствовав себя так, словно сердце вот-вот остановится. Бедный Люци!.. Он же наверняка винил себя в гибели супруги, я его знаю. Вот почему со временем меня перестали с ней сравнивать. Бедная Виттория, я... я была глупой жестокой девчонкой, но я никогда не желала тебе смерти.

— Адептка Къезаро? Вы побледнели. Вам плохо? — голос незнакомой пожилой женщины привёл меня в чувство.

Я покачала головой.

— Всё в порядке. Простите. Просто слегка задумалась и переволновалась.

Женщина ободряюще улыбнулась.

— Это нормально для молодых адептов. Я ваш куратор, меня зовут Алиссия ди Кресс, вы можете обращаться ко мне синьора ди Кресс или синьора Алиссия. Я курирую поступивших на бытовой факультет, и помогаю декану управлять им. Пройдёмте, пожалуйста.

Я не нашла ничего лучше, чем завести с куратором ничего не значащую для меня беседу.

— Приятно познакомиться, синьора ди Кресс. Скажите, а как же другие поступающие на бытовой факультет? Пока вы возитесь со мной, их же будет некому проводить, разве нет?

Синьора Алиссия мелодично рассмеялась.

— Академия Лиарано — крупнейшее высшее учебное заведение для магов. Так что каждый крупный факультет имеет по десятку таких кураторов, как я, не меньше. Но вам нужно будет запомнить только своего, то есть меня. Кроме того, бытовики среди поступающих попадают не так часто, как, например, боевые маги различных направленностей или некроманты. До учреждения синьором ди Альтезе академии, некромантов преследовали и считали воплощением зла. Но он доказал, что маг с даром любой направленности может

служить общему делу, и быть на стороне короны. Кроме того, с той поры, как академия поставила некромантов на службу людям, жить стало как-то поприятнее, вы не находите? И сразу поводов для подвигов у молодых и горячих поубавилось.

— Твой Люци учредил академию после смерти жены, — насмешливо проговорил бог. — Он, видишь ли, потому и не был с ней во время родов, что ему пришлось разбираться с огромным кладбищем, поднятым молодыми некромантами. Эти достойные молодые люди требовали признания их дара, а он... их казнил. Восхитительно вероломный поступок, — и снова божественный смех, куда менее приятный, чем у синьоры Алиссии. — Но я, пожалуй, оставлю тебя, кошечка Беатрис. Не шали, и помни, что твой бог всегда приглядывает за тобой.

— Да, лучше учиться, чем рисковать сложить голову в бою с какой-нибудь нежитью, — согласилась с улыбкой. Не с богом, конечно. — Я буду задавать глупые вопросы, но надеюсь не утомить этим вас.

— Как говорит наш ректор, самый глупый вопрос — незаданный, — усмехнулась Алиссия. — А мы с вами пришли. Это просто комнаты отдыха, после официального зачисления вы сможете здесь делать домашние задания, читать, или просто общаться с однокурсниками. Сейчас вы можете познакомиться здесь с теми, кто пришёл сюда раньше вас. Когда начнется церемония, вас всех проводят.

— Благодарю вас, — я сделала книксен, но поймала глубоко удивленный взгляд куратора.

Да, я больше не Аннетка, но и не принцесса. Откуда у простолюдинки такие навыки? Впредь стоит просто кланяться, как делали наши слуги. Или наблюдать за другими адептами...

Впрочем, Алиссия ничего не сказала, попрощалась и ушла. А я опустила взгляд и быстро последовала в самое уединенное место, какое нашла. Ни к чему пытаться налаживать контакт с сокурсниками, всё равно я не переживу даже первого курса.

Разношерстные молодые люди, уже приведённые в комнаты отдыха, правда, об этом не знали. Поэтому я услышала:

— Ты ещё одна новенькая? Я тебя раньше не видела, ни на подготовительных занятиях, ни в школе для тех, кто хочет освоить самые азы управления даром. Откуда ты? Как зовут? Я Арисса, кстати! — заговорила светловолосая девушка с позеленевшими на кончиках прядями.

Неужели новая придворная мода? Девушка была холёной, ухоженной, и аккуратные крупные светлые кудри ей очень шли. А уж голубые перчатки из анлузского бархата не оставляли никаких сомнений в том, что её родные весьма состоятельны. Я очень тихо ответила:

— Синьора Арисса, меня зовут Марцелла. Я родилась в простой семье, поэтому мне недоступны такие возможности.

Ноздри Ариссы гневно раздулись, а фарфоровая кожа по-

краснела, отчего всё очарование девушки куда-то исчезло, и она визгливо воскликнула:

— Ещё одна безродная нищенка! Тогда не смей подражать больше благородным, иначе тебя выпорют на конюшне, поняла меня!

Я только вздохнула. Знай эта девица, кто перед ней на самом деле, она бы уже рассыпалась в любезностях и источала улыбки. Такие мне не нравились даже в бытность принцессой Беатрис. Но я кротко улыбнулась и потупила взгляд:

— Простите, синьора Арисса, этого больше не повторится.

— То-то же. Исчезни с глаз моих! — тут же успокоилась «синьора». И вдруг я услышала другой голос. Одного из двоих юношей, которые ждали зачисления вместе с нами.

Бытовой факультет ожидаемо оказался преимущественно женским, но два юноши с этим даром всё же затесались к нам. И если один стойко напоминал мне более молодую версию нашего садовника — круглощёкий, темноволосый, кудрявый, с толстым приплюснутым носом, и застенчивой улыбкой, то второй... удивлял. Черные волосы чуть прикрывали шею, а ярко-синие глаза блестели и выдавали в нём человека, который никому не боится дать отпор. Чуть смугловатый, с прямым орлиным носом и таким же взглядом. Пожалуй, чем-то он смахивал на молодого Люциана, только с другим цветом глаз.

И говорил именно он:

— Арисса, если мне не изменяет память, титул твоему отцу дали всего-то через пару лет после твоего рождения. Так что на свет ты появилась ровно так же, как Марцелла... как ты там выразилась? Безродной нищенкой? Самокритично, ничего не скажешь! — и юноша мне подмигнул.

Я чуть-чуть улыбнулась ему в ответ. Будь мне в самом деле двадцать, я была бы польщена таким вниманием, но, к сожалению, мы были слишком далеки друг от друга. Одно я знала точно: я не могу позволить, чтобы и Люци, и этот мальчик пострадали.

— Россетти! Твой род отказался от дворянской приставки, только чтобы утереть нос какому-то дураку, не тебе меня осуждать! — взвилась девица.

— Всё так, — лучезарно улыбнулся Россетти. — Только было это шесть с половиной сотен лет назад. А твой дедушка, помнится, рыбными пирогами торговал... так что умерь аристократический снобизм, он здесь больше по моей части. Вкусные, кстати, пироги были, я в детстве очень их любил. А как он поставил торговать наёмный люд, вкус стал хуже. Жаль!

Арисса густо покраснела, и обиженно замолчала — остальные ребята над ней откровенно хихикали, хотя, как мне показалось, по-доброму.

— Ах, чуть не забыл. Где мои манеры! Прекрасная Марцелла, меня зовут Фабиан Россетти, и я буду одним из тех, кто будет претендовать на вашу руку, чтобы танцевать на но-

вогоднем балу!

— Очень приятно, Фабиан, — вежливо откликнулась я. — Спасибо, но я здесь не ради танцев. Я надеюсь выучиться и вернуться к семье, чтобы у них всё было хорошо, — неловко было врать этому милому юноше, но что я могла?..

Впрочем, наш диалог прервали — привели ещё одну новенькую. И я прошмыгнула в самый угол комнат, на тёмное кресло, где меня уже не было видно за мраморной колонной. Время от времени, синеглазый Фабиан бросал на меня весёлые взгляды, но, видно, понял, что я не хочу к себе лишнего внимания. Поэтому не беспокоил. Я же достала учебник базовой магии для начинающих, и невидящим взглядом смотрела в строки. Хозяин позаботился о том, чтобы у будущей прилежной первокурсницы было абсолютно всё необходимое для исполнения её роли.

В чём-в чём, а во лжи и иллюзиях он был мастер, творя их из теней, как гончар свои изделия из глины. Хорошо хоть, Хозяину явно не были интересны ни эти дети, ни сама по себе академия Лиарано, и он молчал. Поэтому я невольно вслушивалась в девические разговоры. Адептки ничуть не стеснялись ни Фабиана, ни второго юноши, а уж обо мне и вовсе успели позабыть. Что только радовало. Не запомнят — и печалиться обо мне некому будет, когда сгину. Даже на шрам, любезно оставленный Хозяином, никто так и не обратил никакого внимания, словно его и не было. Хотя в чём-то Зерцало Лжи просчитался.

— А ректор, говорят, так траур по жене и носит... а жаль, он такой красивый! И совсем по нему не скажешь, что уже сорок лет, он молодо выглядит. Я бы...

— Последнюю «я бы» с позором отчислили и отправили замуж в отдаленное имение потом, — с иронией заявил Россетти, практически пропев эти слова.

— А тебя не спрашивали! Неужели отец не учил, что лезть в чужие разговоры — невежливо? — возмущенно поинтересовалась какая-то незнакомая мне девица.

— Он ещё учил, что обсуждать кого-то за спиной и сплетничать — недостойно благородного аристократа, — я слышала в голосе Россетти откровенную насмешку. — Но я сегодня добрый. Воркуйте, честно сделаю вид, что ничего не слышу. Если, конечно, вы тут планов по завоеванию ректора не собираетесь настроить. Этого я не прощу — кто тогда будет завоёвывать меня?!

Девочки захихикали, а Фабиан в самом деле больше не вмешивался в их разговоры. Время от времени появлялись новенькие, с ними кто-то здоровался, и, наконец, поток адептов иссяк. Будущие бытовики уже откровенно скучали, когда в дверь вошла синьора Алиссия, и громко скомандовала:

— Внимание первому курсу бытового факультета! — все головы повернулись в её сторону, а разговоры полностью стихли. Тогда она продолжила:

— Для каждого из вас провели проверку, уточнив место жительства, согласие родителей на обучение, и достовер-

ность сведений о вас. Все вы её прошли, как и проверку дара на входе. Это значит, что вы предварительно зачислены в Академию Лиарано, и стали её адептами.

Адепты одобрительно загудели, но синьора Алиссия не дала себя сбить с мысли:

— Однако! До первой сессии каждый из вас рискует быть отчисленным по причине непрохождения критериев для роли адепта академии! Они просты, но каждый год хоть кто-нибудь с каждого факультета обязательно их нарушает. Во-первых, все свои титулы и звания вы оставляете за дверьми академии. Здесь нет ни аристократов, ни крестьян. Вы — маги, это отдельное сословие со своими обязанностями и особенностями. И вы должны быть в состоянии это запомнить. Иначе диплом академии вам не нужен, обойдётесь школой начальной подготовки.

Взгляд Ариссы показался мне обиженным, и даже гневным. Мне бы её проблемы...

— Во-вторых, любые личные отношения между персоналом академии и адептами запрещены вплоть до окончания Академии. Так что оставьте в покое ректора Люциана, он жалуются очень редко, но, если уж решит дать делу ход — вылетите с треском.

Девочки захихикали, Россетти закатил глаза, а я неожиданно почувствовала себя дурой. Раньше у Люци была одна глупая принцесса, теперь у него целая стая таких же дурочек, разве что виверны все повывелись. Бедный Люциан. Как же

мы его все достали, сдаётся мне!

— В-третьих, никаким образом вы не должны причинять намеренный вред друг другу. Любые подобные действия приведут к изгнанию из академии. Сила — это ответственность, и она дана не для того, чтобы топить конкурентов. Различные магические шутки над другими адептами тоже считаются. В Уставе Академии есть перечень всего, что делать нельзя, и он больше того, что я вам дала. Но это — основное. Мы — защитники простого народа, огонь и меч Его Величества Беренгара Седьмого. И мы обязаны помнить об этом. Если вы не согласны с каким-то из правил, прошу покинуть территорию академии сейчас же.

— Мы согласны! — послышался нестройный хор голосов.

— Ну, раз так, значит, я отведу вас в общий зал, и после приветственного пира — в общежития факультета. За мной! Ваши вещи отнесут по комнатам, за это можете не переживать.

— *Да, переживать им стоит о другом. Но пока они блаженны, и не знают об этом, кошечка Беатрис,* — прошелестел в голове голос бога, и тут же пропал, оставив после себя ощущение липкого холода, как после особенно яркого ночного кошмара. Как же он любил так делать... чтобы ты ни на миг не мог забыть, кому служишь, и что творишь во имя Его...

Никогда я не чувствовала себя в безопасности, вот уже двадцать лет. Принцессой я и представить не могла, каково

это, теперь же... многое бы я отдала, чтобы вернуться обратно в тот роковой день, и никуда не поехать. Ни к каким вивернам! Но сделанного не воротишь.

Мимо ушей пролетало почти всё, что говорила куратор, липкий холод присутствия покровителя перекрывал собой реальность. Но я собралась, и вслушалась: надо было запомнить, где здесь что, чтобы не заблудиться. Куратор как раз довела нас до общего зала, и сказала:

— Здесь проходят и общие приемы пищи, и все крупные мероприятия в Академии. Зал зачарован лично ректором Люцианом, так что меняется под нужды учащихся. Не удивляйтесь, если порой он будет казаться вам очень разным. Единственное исключение — Новогодний Бал. Он проходит в отдельном зале, и чтобы его увидеть, вам нужно доучиться до Новогодья.

Адепты согласно загудели, кто-то восхищенно охнул, и мы вошли внутрь. Я невольно отметила, что следом уже движется другая группа с другим куратором. А более старшие курсы уже и сами потихоньку заполняли зал, то и дело приходя маленькими группками.

— Столы нашего потока здесь, — она указала на несколько длинных зеленых столов с диванчиками ближе к столам преподавателей, расположенным в центре, близ дальней стены. — Ректор Люциан считает, что делиться по факультетам вам нет нужды, и вы можете общаться с однокурсниками с любого. Но поначалу все обычно сидят своими группами,

это нормально. Некроманты уже пришли, артефакторы тоже. Скоро появятся и остальные.

Мы расселись по уютным диванам с высокой спинкой, а я пожалела, что здесь просто физически не получится сесть в одиночестве. Всё было устроено так, чтобы адепты взаимодействовали, так или иначе. Но я всё же молчала, и рассматривала зал.

Он был очень большим — вероятно, мог вместить в себя несколько тысяч магов. Но пока тут едва набиралось пять сотен, считая преподавателей и старшекурсников. Наш поток, кажется, был одним из самых многочисленных. Я отмечала, что более старшие некроманты, например, часто сидят группами по пять человек или по семь. Форма факультетов отличалась, поэтому определить, кто к какому принадлежит, не составляло труда.

Бытовики, такие как я, были в простой коричневой одежде, на которой у многих, но не у всех, были вышиты переkreщенные метла и почему-то алебарда. Некроманты были в чёрном, и у некоторых были вышиты лопаты. Я пришла к выводу, что официальных символов факультетов нет, зато есть неофициальные, и их студенты цепляют на себя сами. Будь я настоящей Марцеллой, меня бы это, возможно, даже позабавило.

Но я только отмечала. Что артефакторы — в синем, а пришедшие следом за нами ребята с какого-то из старших курсов — в тёмно-красной форме. Вероятно, боевики. По край-

ней мере, держались они уверенно, словно они здесь самые нужные и важные. Точно боевой. Не то, чтобы для меня это имело какое-то значение, но я уже привыкла отмечать в голове информацию.

Сам зал был... красивым. Множество столов с диванчиками, причем столы были самые обычные, деревянные, а вот диваны — цветные, под цвет факультетов. Обтянутые хорошим шерстяным полотном, они были и удобные, и уютные. Множество больших витражных окон давали солнечному свету доступ в зал, а на потолке светились шары-светильники, явно магического происхождения. Сейчас они были бледно-синими и напоминали звёзды, а потолок был тёмно-синим. Но мне почему-то показалось, что всё это должно меняться.

В то же время, я не видела кругом лишней роскоши. Не было ни позолоты, ни лепнины, ни мрамора. Замок, в котором расположилась академия Лиарано, был просто каменным. Окна в основном самыми обычными, серебра и золота в украшениях тоже не было. Но он оставлял ощущение... волшебства. Магии. Должно быть, так Люци представлял себе храм магического знания, и мне нравилось, как это выглядело.

Пока я разглядывала помещение, куратор ушла за стол. Отдельный от преподавателей, но рядом с ними. Преподавательский узнала сразу, в его главе стоял единственный предмет, на котором всё-таки можно было найти серебро — вы-

сокое черное кресло, украшенное серебряными дракончиками. А на кресле ровно сидел Люциан и ожидал, пока все придут в зал.

Лицо его ничего не выражало, а сам ректор выглядел уставшим и каким-то... погаснувшим. Едва ли это могли заметить его adeпты, но я видела и безжизненный взгляд, и тяжесть прожитых лет, камнем упавшую ему на плечи. Но если он видел, что на него кто-то смотрит, то уголки губ Люци чуть приподнимались, и на лице появлялась едва заметная полуулыбка. Только она не касалась глаз. Неужели он всё это создал только на силе долга?... Это же невозможно!

Я наблюдала за ним украдкой. Чем больше преподавателей собиралось за столом, тем более живым он выглядел, только взгляд не менялся. Но если не присматриваться — казалось, что всё в порядке. Он — самый обычный мужчина, у которого просто трудная и ответственная работа. Жаль, что на самом деле было иначе. Я хотела бы, чтобы он создал академию, не погаснув при этом.

Наконец, все adeпты и не только расселись по своим местам. Торжественно погас свет, а шары-светильники стали чуть меньше, и разгорелись — не очень ярко, а в самом деле напоминая звёзды, расположенные на синем потолковом небосклоне. Люциан встал и торжественно объявил:

— Добро пожаловать в Академию Лиарано! Первокурсникам я желаю успешно доучиться до первой сессии, сдать её и стать частью этого места на долгие восемь лет. Старшие

курсы и так знают, что я всегда за них и с ними. Мы перевернём мир, потому что теперь даже крупица дара приносит пользу. И каждый из вас покажет, насколько лучше может сделать жизнь магия!

Когда он говорил об академии, его глаза вновь загорались ярким огнём, и я немного понимала теперь, как он сумел основать целую академию, и сделать обучение в ней престижным. Если учились восемь лет, а академия появилась, когда он потерял жену... значит, только семь лет выпускники покидают восьмой курс, и показывают миру, чему научились за это время. И всё же Люци верили, а жизнь правда менялась — я хорошо это видела, будучи Аннеткой.

На улицах появился свет, девушки перестали торчать на углах таверн, да и гибли меньше. Город очищался, и не потому, что низы общества исчезали — просто теперь они могли найти убежище и вылечиться за недорого от того, что раньше могло и убить. Часто адепты академии на каникулах варили зелья и мази, чаровали для таких, как моя личина Аннетка или делали простенькие артефакты. У них не было ещё лицензий, поэтому брали недорого, и уличный народ мог себе это позволить. Так что Люци был прав. Его начинание делало лучшей жизнь любого, а не только аристократов и богачей. Даже тех, кто был на самом дне.

Ему громко похлопали, хотя речь не была особенно цветастой и красивой, и он завершил её:

— Да начнется пир! Поздравляю всех нас с началом но-

вого учебного года!

Преподавателей не представлял, но мне показалось это логичным. У нас был куратор, наверняка позже она расскажет обо всём, что нам следует знать. Одно меня тревожило. Один из мужчин, что сидел за столом преподавателей... от него веяло силой моего бога. Настолько, что я чувствовала это со своего места, и невольно присматривалась.

Длинноволосый брюнет с крупным носом и очень тёмными глазами, мужчина был бы даже красив, если бы не смотрел на адептов недобрым взглядом. Смуглая кожа выдавала в нём уроженца Лерне, но больше я ничего не смогла понять. Незнакомец даже не пытался улыбаться. Если Хозяин решил контролировать меня ещё и так... впрочем, нет. Я всё равно не отступлюсь. Кто бы ни пытался мне помешать.

Глава 3

Я почти не запомнила пира. Да, блюда сами собой появлялись перед учениками, и да, он наверняка был куда богаче, чем могла бы видеть за всю свою жизнь Марцелла, но для меня это не имело никакого значения. Я лишь изредка косилась на того преподавателя, которого подозревала в связи с Хозяином, да пыталась запомнить, как здесь всё устроено.

До поры, я должна быть идеальной Марцеллой. Прилежной, разумной, и обожающей учёбу. А идеальная Марцелла должна помнить, кто есть кто, и как попасть в любой доступный ей уголок Академии. Идеальная Марцелла не должна расстраивать ни своего Хозяина, ни преподавателей. И, конечно, должна пытаться наладить общение с ректором, чтобы в нужный момент ударить красивым кинжалом в сердце.

После пира синьора Алиссия повела нас в комнаты. Их было много, но селили нас по трое. Я надеялась, что Арисса живёт с кем-то другим — и в этом мне повезло. Адепты побогаче могли выбирать себе соседей, хотя мотивировалось это тем, что у них уже есть знакомые будущие волшебники.

А в коридоре перед комнатами меня ждал ответ на вопрос, почему никто не подумал представить нам преподавателей. Там была целая галерея даже не картин — зеркал, из которых на нас смотрели и улыбались те, кого мы видели за столом. Под каждым зеркалом было имя и фамилия препода-

давателя, а также предметы, которые он вёл.

— Синьор Адриан Маражано прекрасно владеет магией зеркал и иллюзий, и зачаровал эти зеркала, чтобы они показывали образы преподавателей. Каждое зеркало может ответить на некоторое количество вопросов, и пояснить про особенности того, кого оно изображает. Достаточно лишь спросить, и зеркальный портрет даст ответ. Но при вопросе вам нужно полностью называть имя преподавателя, выбитое под зеркалом, — пояснила синьора Алиссия. — Кроме того, зеркала напомнят вам, когда у вас занятия с этим преподавателем, если кто-то опаздывает. Такие зеркала есть в общежитиях каждого курса и каждого факультета.

Я похолодела. Маражано. Хозяин любил такие имена давать своим марионеткам. Недаром я стала Къезарро. Чистая невинная дева, которой поручено убить ректора в самую необычную ночь. Это его почерк. Да и я чувствовала знакомую магию, и кроме того — синьор Адриан правил зеркалами. Это ли не последнее доказательство?

— А что он преподаёт? — задала глупый вопрос вместо того, чтобы прочесть.

— На первом курсе? — Алиссию, казалось, глупость вопроса не смутила. — Основы использования иллюзорной магии. В основном в быту или для облегчения жизни. Это он учит менять предметам цвет, рисовать портреты прямиком из вашего воображения, и многому другому. Это базовый предмет, для того чтобы стать Мастером Иллюзий в даль-

нейшем. Но и бытовикам он весьма пригождается. Кому не хочется порой посмотреть, как будет смотреться другой цвет волос или перекрасить одежду? — она улыбнулась.

Но затем посерьёзнула:

— Ваше расписание висит здесь же, в центре. Если захотите подняться к старшекурсникам — лестница ко второму курсу вон там, — она показала рукой на бежевые ступени. Красивая винтовая лестница. — Но не переживайте, вам не придётся постоянно менять комнату. Замок сам перестроится, если вы перейдёте на следующий год, и те же самые покои будут уже на втором этаже.

— Это тоже сотворил ректор Люциан? — удивилась я. Неужели Люциан настолько силен...

Но Алиссия рассмеялась, хотя и по-доброму:

— В одиночку такие чары доступны лишь богу, и то не каждому. Нет, все текущие преподаватели, кроме некоторых новичков, приложили руку к творению Академии. Ректор сам искал сильнейших и достойнейших, ездил за ними в другие страны, порой даже спасал из передраг. Он очень ответственно подошёл к созданию нашего учебного заведения, а мы в свою очередь должны столь же ответственно подойти к тому, чтобы академия развивалась и процветала, становясь только лучше.

И всё же Люци подпустил к своему детищу раба Хозяина. Не знал? Не предполагал, с кем имеет дело? Я должна это исправить, пока жива! Но сейчас лишь коротко поблагодарила

Алиссию, и нас развели по комнатам. Надо же, всего лишь по трое... Люци очень заботился об адептах и их комфорте.

Принцессе Беатрис эта комната вряд ли пришлась бы по вкусу. Тёмно-коричневые льняные шторы прикрывали одинокое большое окно, а у противоположной стены стояли три совершенно одинаковые кровати, задёрнутые такими же коричневыми пологам. Ещё здесь был стол для учёбы — всего один, видно, потому что больше поставить в небольшую комнату не представлялось возможным. И три шкафа рядом, слева от кроватей. На каждом из них уже серебрилось имя адептки, которой шкаф принадлежал.

Больше в комнате не было ничего, но я отметила, что академия Лиарано не скупится даже по отношению к бедным студентам. У нас были не соломенные матрасы, а хорошие перины. Едва ли я обратила бы на это внимание в прошлой жизни — устроила бы истерику, что в комнате ничего толком нет, даже зеркала. Но сейчас я отмечала мелочи. Адепт не мог открыть чужой шкаф, одеяла были тёплыми и толстыми, под ногами у нас были тёплые ковры. Чтобы обеспечить только это на несколько сотен юных волшебников, уже понадобилось целое состояние.

А ведь платить нужно было каждому преподавателю. Куратору. Поварам и слугам, если, конечно, они тут были. Но даже если нет — банально прокормить столько учеников та ещё задачка. И в то же время, с Марцеллы Кьезарро не взяли ни медяка, и судя по тому, что я слышала, она такая была

не одна.

Чтобы не казаться слишком странной своим двум соседкам, я тихо поздоровалась и представилась, прежде чем начать рассматривать новенькие учебники по магическим дисциплинам. Снова деньги. Правда, учебники уже только для нищих и небогатых крестьян, к которым относилась и вымышленная Хозяином семья Марцеллы. Но всё же... как Люци это окупал? И всегда ли так было?

Меня занимали вещи, которые больше под стать принцессе, чем адептке, но приходилось изображать интерес к соседкам. Одна из них, темноволосая, как и Марцелла, представилась в ответ:

— Я Резанна. Резанна Ливино. Тоже с фермы приехала. Я шестая у моих, и ещё пяток младшеньких у нас. Так что родители надеются, я выучусь, и мы разбогатеем, потому что я им всё зачарую, — она улыбалась. — Было бы неплохо.

— А я Лив, — коротко буркнула вторая соседка. Коротко обрезанные светлые волосы выдавали в ней одну из тех, среди кого я жила как Аннетка. Едва ли «честная» девушка позволила бы обрезать себе волосы. Против воли, я сразу же прониклась к ней симпатией, хотя Лив была угрюма и явно не хотела найти здесь друзей.

Она почти сразу подтвердила мои мысли:

— Я думала, такую как я сюда не возьмут. Но правда взяли. Посмотрим. Может, вылечу до этой... сессии, да и дело с концом.

— А если не вылетишь, что будешь делать? — вырвалось у меня невольно.

— Выгрызу шанс, — коротко откликнулась она. — Раз уж во мне магия.

Я её понимала. У меня шансов не было, но, если бы я могла раз и навсегда избавиться от личины Аннетки и всего, что шло вместе с нею... Вцепилась бы в этот шанс так крепко, что не оторвать. Но у меня был Хозяин, а от него не сбежать. Так что я ответила очень просто:

— Я надеюсь, у тебя всё получится, — и постаралась вложить в это всю свою искренность.

Правда, не успела услышать ответ. Потому что меня обдало знакомым холодом, и я очутилась в месте, которое до боли напоминало кабинет ректора. Не знаю уж, реальный, или из моего воображения. В настоящем я пока ни разу не появлялась.

Но в светлой небольшой комнате стоял большой добротный письменный стол, за которым стояло украшенное серебряными драконами кресло с высокой спинкой. Все стены, кроме одной, были заняты стеллажами с книгами, на вид казавшимися очень древними. Свободную стену не заняли стеллажом только по одной причине: в неё был встроен камин, а огонь в нём весело потрескивал, освещая и кабинет, и два уютных кресла возле него. Тканый черный ковёр тоже был украшен вышитыми серебристой нитью драконами.

А за столом я увидела... ректора Люциана. Только по-

пасть к нему вот так посреди разговора я не могла. Да и кривая улыбка, как и злой блеск на дне глаз, легко выдавали в «ректоре» моего вездесущего Хозяина.

Второй раз за короткий срок он вызвал меня прямым в свои владения. Я невольно встревоженно вздохнула. Не к добру. Тем более, что и его любимого: «Кошечка Беатрис» тоже не последовало. Стояла оглушающая тишина, а я — сидела на ковре, на коленях, и смотрела на него сверху вниз. Если бы Зерцало Лжи когда-то был человеком, я решила бы, что больше всего в бытность смертным ему не хватало власти и чужого уважения. И теперь он старательно забирал их у смертных, не щадя никого.

Когда тишина начала откровенно давить на разум, Хозяин, наконец, заговорил:

— Я наблюдал за тобой. Не то, чтобы очень пристально, но достаточно много, чтобы понять, насколько легко тебе будет выполнить моё маленькое поручение. И у меня неутешительные выводы. Люциану ди Альтезе глубоко плевать на очередную адептку, он забыл о твоём существовании в тот же миг, как передал списки кураторам. И я сомневаюсь, что самостоятельно тебе удастся что-либо изменить. Как думаешь, что это значит?

Следил за мной... сама эта мысль наполняла меня холодом. Но Хозяин ждал ответа, и я не имела права молчать:

— У вас есть план.

— Разумеется, — он неприятно усмехнулся.

Гримасы Хозяина смотрелись на лице Люци настолько чужими, что мне всякий раз хотелось отвернуться от этого едва-едва неестественного зрелища, оставляющего чувство постоянного жуткого взгляда за спиной. Зерцало Лжи, казалось, ничего не заметил. Или, что вероятнее, сделал вид.

— Люциан любит обездоленных, и всячески их спасает. Так что... мы сделаем из бедной адепки всеобщего изгоя без видимых причин. Неделя или две пройдут нормально, а потом — ему придётся придумывать способ оградить тебя от остальных. Я предпочёл бы более классический метод — кого-нибудь убить, но тогда твой обожаемый маг просто выгонит всех адептов и закроет академию до того момента, как расследование не установит виновника. Это в мои планы не входит, мне нужен этот бал. А если ему и этого не хватит... у Марцеллы Къезарро трагически погибнут родители.

Я вздрогнула.

— Эти люди... они ведь в самом деле существуют, да?

Он рассмеялся, и я увидела тень черных крыльев за спиной лже-Люциана:

— Разумеется. И они совершенно уверены в том, что у них есть взрослая дочь, которая нынче числится адепткой.

Я ничего не успела ответить. Видение просто растворилось без следа так же быстро, как и возникло. Но я не могу допустить гибель невинных. Значит, что бы ни случилось, план Хозяина должен сработать.

Усилием воли я заставила себя вслушаться в ответ Лив.

Та буркнула:

— А я-то как надеюсь. Всё, по койкам пора. Говорят, завтра нас с самого утра учить будут, и до вечера. А я ничего в магии не понимаю, так что это будет сложно.

— Да, надо выспаться, — согласилась Резанна.

Я тоже не спорила. Хотя для меня новый день значил вовсе не то же, что для них.

Глава 4

Это случилось спустя десять дней после начала занятий. Мы начали привыкать к расписанию, обнаружили, что хоть с нас и многое требуют, но отвечают на любые вопросы. Иногда я даже в самом деле верила, что я — и есть Марцелла, и понимала, что учиться магии мне нравится.

Я не притворялась, когда прилежно внимала словам преподавателей. И когда спрашивала о базовых законах магии, о том, как работает тот или иной вид чар. Люци набрал в преподаватели людей, которые были похожи на него в одном: они любили знания, любили учить, и были подлинными профессионалами в своём деле. Не знаю, как ему это удалось, но преподавателей, о которых я могла сказать хоть что-то плохое, у нас не было.

Даже Адриан Маражано, как оказалось, способен говорить о своём предмете часами, и тёмные глаза его в этот момент горели совершенным восторгом, магически преображая угрюмого и язвительного преподавателя. Правда, он не любил опозданий, и не терпел разгильдяйства. Видел, кто и на что способен из учеников, и был благосклонен лишь к тем, кто трудился на пределе своих возможностей.

— Иллюзия кажется бесполезной, но лишь до тех пор, пока вы не вспоминаете, что вы не только маги, но и разумные люди, способные на фантазию, — усмехался он. — Во время

Второй Адранской Войны, например, именно иллюзионисты выдрали Лерне победу. Кто знает, как именно? Поднимите руки.

— Но ведь у нас же не урок истории, почему мы должны вспоминать это сейчас? — тихо буркнула себе под нос Арисса, которая не знала, казалось, вообще ничего, если оно не касалось нарядов и состоятельности женихов.

Однако, у синьора Маражано оказался очень хороший слух:

— Адептка ди Лепитино, в академию поступают маги, уже получившие общий образовательный курс, и окончившие его с удовлетворительными оценками. Как же вы станете профессионалом, если не научились усваивать информацию? Мне подать прошение о вашем исключении по причине непрохождения критериев?

Арисса густо покраснела:

— Прошу прощения, синьор Маражано. Я не знаю ответа на ваш вопрос.

— В этом я и не сомневался, адептка Лепитино, — усмехнулся преподаватель. — Однако, впредь я рекомендую вам не мешать отвечать тем, кто учился прилежнее вашего. История — это кладезь знаний для того, кто сумеет ими правильно распорядиться, потому что учиться лучше на чужих ошибках, а не на своих.

Он перевёл взгляд на аудиторию:

— Так кто знает ответ на вопрос? Поднимите руку.

Я знала ответ. Адранская война закончилась незадолго до того, как я «пропала». И никаких многочисленных иллюзионистов у нас не было — был Люциан и несколько таких же простолюдинов с сильным даром, которых он искал по всей стране уже тогда. Я лишь теперь начинала понимать, как много Люци делал для Лерне, при том с самого нежного возраста. Кроме меня, руку поднял ещё адепт Россетти. Неудивительно, если учесть, чей он сын. Остальные неуверенно переглядывались.

Синьор Маражано вздохнул, и заметил:

— Что ж, видно, нам с адептами Къезарро и Россетти придётся учить вас и истории тоже. Ожидаемо, но прискорбно. Адепт Россетти, просветите своих соучеников, будьте так добры.

— С превеликим удовольствием, синьор Маражано, — лучезарно улыбнулся Фабиан, и насмешливо поклонился всем нам. Преподаватель слегка закатил глаза, но замечания делать не стал.

— Дело в том, что особенно сильные мастера иллюзии способны ненадолго сделать свои чары материальными. Не больше шестой доли минуты — но этого хватает, чтобы ввести противника в заблуждение, если правильно эту возможность применить. Адранцы не ожидали столь сильного сопротивления, и кроме того, не ожидали изменившейся погоды — но о роли стихийников вы умолчали. Однако их всё равно было намного больше, и они рыскали по стране, по-

добно ищейкам. Были все шансы, что они возьмут столицу в осаду, и в конце концов захватят. Отец рассказывал, что они уже придумывали, что сделают с нынешним королевским родом — ему довелось побывать в адранском плену. Но большая армия хочет есть, а правильная иллюзия способна превратить в приличные продукты почти что угодно. Они вламывались в дома, требовали дань, это их и сгубило. Испорченная и отравленная еда источала потрясающие ароматы, а выглядела просто превосходно. И в тот момент, когда захватчики набрасывались на неё, она и ощущалась столь же превосходной... — он улыбнулся, выдержав паузу. — Маги очень рисковали, скрываясь в столовых и на продуктовых складах, но это помогло. И это только одна уловка, о которой я помню.

— Прекрасный ответ, я отражу его в вашем личном таблице. Адепт Россетти начинает свой первый год в Академии с бонусных баллов. Но он упомянул не всё, чем помогли Лерне иллюзионисты. Не сомневаюсь в том, что на экзамене он легко даст мне полный ответ. А что насчёт прочих? Адепт-ка Къезарро, мне показалось, вы тоже поднимали руку. Что знаете о Второй Адранской войне вы? — мне почудилась издёвка в голосе преподавателя, но я быстро напомнила себе, что простолюдинке из обычной семьи не так легко действительно знать историю. Неоткуда.

Пришлось вспоминать, какие события были достаточно масштабны, чтобы задевать всю страну, и о которых могла

знать даже девушка из бедной семьи. По моей легенде, родители в войне не участвовали, отца не призвали в армию, потому что он был на тот момент нездоров. Кроме того, король, мой настоящий отец, как раз тогда запретил своим генералам трогать родителей совсем маленьких детей. У него родилась я, и он начал им сочувствовать.

Я закусила губу, но после паузы неуверенно ответила:

— Я могу ошибаться, но ведь сокрытие деревень — это тоже магия иллюзий? Мне рассказывали, что нашу деревню война обошла стороной, потому что маги как-то скрыли её, а для международных карт она была слишком малозначимой. И ещё я читала в учебниках, которые нам раздали, что именно маги иллюзий помогали заманивать врагов в болота, логова крупных хищников, или в глубину лесной чащи. Изображали женский плач, или бегущего оленя. Это ведь тоже считается за ответ на ваш вопрос?

— Раздали учебники... нищенка! — тихо пробормотала себе под нос Арисса. Но синьор Маражано то ли не услышал её, то ли сделал вид. Зато ответил мне:

— А в ответе адепки Къезарро мы видим, как при недостатке знаний аналитический ум и стремление учиться помогают отвечать на вопросы даже в том случае, если источников знания было мало. Это в высшей степени похвально. Да, вы правы и касательно сокрытия маленьких деревень, и насчёт ловушек и болот. Без иллюзионистов это можно было бы сделать, но куда сложнее. По разным источникам, до

трети армии Адрана полегло именно в лесах и болотах, при участии иллюзионистов. В ваш табель я так же занесу тридцать бонусных баллов.

Дальше урок шёл бы своим чередом, но неожиданно адепты стали перешёпываться. Я слышала только обрывки фраз, из которых выходило, что у Ариссы пропала какая-то вещь, и та точно не могла её потерять. Хотя я не делала ничего плохого, но чувство было такое, словно я камень проглотила, ледяной и склизкий. Меня поглотила тревога. Хозяин обещал, что Люциану придётся ограждать меня от других адептов, и общаться больше, чем с другими. Что может быть лучше ложного обвинения?

Наконец, Арисса перестала поддаваться увещеваниям Фабиана, тихо уговаривавшего её не поднимать шум раньше времени, и подняла руку. Синьор Маражано тут же обратил на неё внимание:

— Адептка Лепитино, вам есть, что добавить?

— Нет, но я хотела бы задать вам вопрос, и подняла руку. Так ведь можно? — вполне вежливо, на удивление, спросила девушка.

— Разумеется. Что вы хотели узнать?

— Можно ли с помощи магии иллюзии найти пропавшую вещь? У меня есть подозрение, что мой кулон с адранским сапфиром украден, но я не хочу никого обвинять без доказательств. И я точно не теряла его, это памятная и важная для меня вещь, зачарованная от случайной утери. Вы не могли

бы мне помочь? Понимаю, это не по теме урока, но...

— В стенах академии Лиарано не должно быть ни воров, ни воровства, — жестко отозвался преподаватель. — Да, подобные чары есть, хоть и не относятся к иллюзорным. Я помогу вам найти пропажу, и затем мы вернёмся к теме вводного занятия.

Вот оно. Началось. Последняя иллюзия чего-то светлого в моей жизни сейчас истает без следа... Преподаватель продолжал говорить, а я чувствовала, как холодеют руки. Казалось, мне нет смысла испытывать чувство вины, ведь всё, что сейчас случится — лишь злые пакости Хозяина. Но мне... впервые за много лет мне что-то нравилось! Эти дети, учиться, золотистая осень за окном, то, что ко мне относятся как к человеку, а не как к симпатичному мясу, которое можно интересно использовать.

Я искренне старалась не привязываться к своим соученикам, но они мне нравились. Как и в целом замечательное место, созданное Люцианом. Я даже почти решила перестать следить за синьором Маражано, уверившись, что Люци не допустил бы к преподаванию того, кто может причинить его адептам вред.

— «Поиск личного предмета» — простое заклятие из разряда бытовых, ему может научиться каждый адепт, даже с самым низким уровнем дара. Особенность его в том, что вы можете найти так лишь свои вещи, которые были отданы вам добровольно, и которые вы носили сами, а не пользовались

совместно с большим количеством других людей. Оно более простое, чем «Общий поиск предмета», поскольку не требует настройки на владельца, и дополнительных компонентов. Это не мой курс, но я буду рад научить ему вас, раз уж так вышло, и кулон адепки Ариссы потерялся. Адептка, подойдите ко мне.

Девушка охотно подошла к преподавателю, и тот осторожно взял её за руку, складывая пальцы в активирующий заклятие жест. Согнул мизинец и безымянный, и наложил указательный и средний друг на друга. После чего подсказал ей слова, попросил представить свой кулон, и мысленно потянуться к образу предмета, а затем резко взмахнуть рукой со сложенными правильным образом пальцами.

Многие адепты, с одобрительного кивка преподавателя, начали повторять заклятие за Ариссой. Я уже знала, что сейчас будет, и с огромным трудом не начала прикрывать голову руками. Будут ли меня бить? С другой стороны, не мог же Хозяин не понимать, что за настоящее воровство я вылечу из академии Лиарано быстрее, чем скажу: «Хозяин». Значит, мне не возбраняется защищаться и пытаться доказать, что я ничего не воровала, тем более, что это в общем-то чистая правда.

Воровством Марцелла Къезарро не занималась никогда, и что бы у неё ни нашли, это что-то ей подбросили. Сам Зерцало Лжи подбросил, если уж уточнять. Сначала чары адептов как будто бы не сработали, и синьор Маражано сказал:

— Заклятию требуется некоторое время, подождите.

И в самом деле. Прошло, должно быть, две или три минуты, когда моя сумка ярко засветилась разноцветными огоньками. Ими же засветились карманы.

— Это она! Она украла наши вещи! — истерически воскликнула Арисса. — Отдай кулон, вороватая нищенка!

Я решила, что буду говорить только правду и ничего, кроме правды. Тем более, что мне даже не пришлось играть слёзы, они сами текли крупными горячими каплями.

— Я ничего не брала! Эти вещи мне подбросили! Я готова пройти любые проверки! — но я, конечно, не стала говорить, что не знаю, кто это сделал. Я знала. Даже слишком хорошо.

— Адептка Къезарро, объяснитесь. Откуда у вас столько чужих вещей, если вы их не брали?!

— Мало ли, кто её подставил. У нас многие кичатся своим происхождением, и не любят, когда с ними рядом учатся слишком уж незнатные, да, Арисса? — неожиданно ядовито произнёс Фабиан Россетти, защищая меня. Я едва не упала здесь же от облегчения. Значит, кто-то мне верит. Хотя я и знала, в чём дело, а дышать всё равно стало легче. — Очень уж подозрительно вышло. Вот ты начинаешь искать свою побрякушку, и вот уже мелочевка, которая терялась у всех с начала учебного года, оказывается именно у той, кого ты терпеть не можешь... — продолжал Фабиан, и синие глаза его пылали праведным гневом. Если бы он знал...

— Адепты, будьте добры остановить склоку! — рявкнул

синьор Маражано. — Мы с adeptками Къезарро и Лепитино отправляемся в кабинет ректора. Он проверит, кто из девушек обманывает. А что касается предметов... — он взмахнул ладонью, очень тихо прошептав какое-то незнакомое заклятие, и все вещи, которые светились, оказались рядом со своими владельцами. У кого-то пропала расчёска, у кого-то — красивое перо. Некоторые adeptы вновь обрели письма и дневники, кто-то — даже памятный кинжал. Выходило, что я не только тащу всё, что плохо лежит, но ещё и предпочитаю носить всё натасканное с собой.

Фабиан Россетти, у которого на столе появился тяжёлый стальной браслет без единого драгоценного камня, заметил: — Синьор Маражано, я прошу вас прислушаться ко мне. Ну это же просто нелепо, даже если бы она воровала — зачем ей носить вещи с собой? Adeptка Къезарро не настолько глупа, в конце концов! Кроме того, у меня есть, что украсть ценного, а у Марцеллы нашлась памятная вещь, которую выковал кузнец по моему эскизу. Это браслет почти ничего не стоит!

— *Пока* я ни в чём её не обвиняю, — холодно отозвался преподаватель. — Ректор разберётся. Если же вы хотите выступить свидетелем, можете отправиться к нему вместе с девушками.

В тоне синьора Маражано я слышала явную угрозу, слышал её и Фабиан. Но дерзко поднял взгляд на преподавателя, и, скопировав его тон, заявил:

— Да, я хочу пройти с вами! И вы не станете мне отказывать! В конце концов, ректор ди Альтезе говорил, что справедливость — высшая ценность Академии наряду со знанием. Вот я и хочу, чтобы справедливость торжествовала!

— В таком случае, извольте закрыть рот, и следовать за мной, — бросил синьор Маражано. И затем добавил: — Пока меня не будет, конспектируйте первую главу учебника и отвечайте на вопросы в её конце. После того, как я вернусь, мы продолжим занятие с учётом того, что вы её прочли и выполнили задание.

Взгляды, направленные в мою спину, стали ещё менее дружелюбными, чем раньше. Я поймала себя на том, что мелко дрожу. Казалось бы, после всего, что происходило с Аннеткой, какие-то дети не были способны меня напугать, пусть им и уже по двадцать лет. Но когда после очень плохих условий попадаешь в хорошие, а потом всё снова становится плохо, это удивительно больно. Как будто едва начавшую заживать рану вскрыли, и тщательно присыпали солью.

Мне начинало казаться, что Хозяин устроил всё это не столько ради того, чтобы побыстрее сблизить меня с ректором, сколько чтобы ещё больше насладиться моими страданиями. Впрочем, кто сказал, что он не мог преследовать больше одной цели за раз? Зерцало Лжи славился своими интригами и многоуровневой, запутанной паутиной.

Фабиан и Арисса молчали, следуя за синьором Маражано, чеканящим шаг, и быстро идущим куда-то вглубь коридо-

ров академии. Взгляд юноши был сочувствующим, Ариссы — гневным, но оба не решались сказать ни слова, повинувшись приказу молчать. Я поймала себя на мысли, что слишком сильно выбита из колеи, чтобы запоминать дорогу. Так... странно. Я же была готова, разве нет? Видно, ничего та моя готовность не стоила, мне лишь так казалось.

Наконец, мы добрались до массивной дубовой двери, на которой был вырезан ворон с глазами-сапфирами. Птица ожила и потребовала:

— Пароль в кабинет ректора! Пар-роль! Кар-кар-кар, мне нужен пар-роль!

— Фаргис, не ворчи, — куда более мягко, чем говорил с нами, отозвался Маражано. — Пароль на этой неделе — Принцесса. А теперь пусти нас, пожалуйста, у меня и адептов срочное дело к синьору ди Альтезе.

— Пар-роль вер-ный! Но ты не при-нёс! Кар-змутительно! Входите!

Чего именно не принёс вырезанной в дереве птице иллюзионист, я не могла предположить. Разве зачарованная дверь чем-то питается? Или это просто их личные шутки? Но все мысли о загадочном артефакте-двери вылетели из головы, как только мы вошли в кабинет. Точно такой же, как в иллюзии, сотворённой Зерцалом Лжи. Повеяло холодом, и я против воли едва не попыталась спрятаться за Фабианом. Необученный мальчишка в два раза меня младше ничего бы не смог сделать против Хозяина, но он был единственным,

кто хоть в чём-то пытался меня защитить. Единственным, с тех времён, когда Люциан был учеником придворного мага, а я — принцессой Беатрис.

— Я надеюсь, у вас была веская причина привести ко мне этих троих адептов в самом начале первого семестра. Что случилось, синьор Маражано? Изложите кратко, а дальше я опрошу ваших, хм, подопечных.

Зелёные глаза Люци смотрели устало, но не имели ничего общего с взглядом Зеркала Лжи, и я понемногу переставала дрожать. Что бы ни случилось в этом кабинете, боли не будет. А обида и тоска по нормальному отношению... Это пройдёт.

— Во время занятия адептка Арисса ди Лепитино спросила, есть ли иллюзорные заклятия, способные помочь найти потерянные предметы. Это не иллюзии, но я помог ей, научив «Поиску личного предмета». Сапфировый кулон, который пропал у адептки, а также все или почти все те вещи, что попытались искать другие адепты, вдохновившись внеочередным уроком, оказались у одной и той же девушки в вещах. У адептки Къезарро. Девушка утверждает, что ничего не воровала, и готова защищать свою честь. Поэтому я привёл её и пострадавшую к вам.

— Прекрасно, а адепт Россетти тут при чём? — несколько саркастично поинтересовался Люци. — Мне не хотелось бы иметь проблемы с маршалом Россетти в самом начале года.

— А я говорю, что не стала бы Марцелла так глупо под-

ставляться, это её кто-то подставил! — тут же насупился Фабиан. — Они бы её там растерзали, если бы не я. Ректор ди Альтезе, вы бы сделали что-нибудь, я вообще думаю, что это Арисса сама сделала, ей адептка Къезарро сразу не понравилась!

— Фаби, я разве давал когда-нибудь повод сомневаться в том, что я способен выслушать обе стороны и сделать свои выводы? Или тебе кажется, что я готов наказывать без разбору? — неожиданно ласково поинтересовался ректор. Люци говорил с Фабианом, как с ребёнком, но тот только чуть покраснел.

— Нет, но...

— Тогда, пожалуйста, не надо отвлекать меня от работы. Я разберусь.

— Никто же не знает, что вы со мной нянчились вместе со своими детьми, и вы сами говорили, что надо соблюдать субординацию. Я и соблюдаю! — возмущенно ответил юноша.

— Теперь эти адепки знают. Хорошо, тогда скажу иначе, — вздохнул Люци. — Если мне понадобятся свидетели защиты, вас, адепт Россетти, вызовут в первую очередь. А теперь вернитесь на занятие, пожалуйста.

— Хорошо, ректор ди Альтезе, — согласился Фабиан. Но когда уходил, бросал на меня грустные взгляды. Кажется, он слишком уважал Люциана, чтобы спорить. Или правда верил, что тот будет справедлив, не доверяя в этом вопросе только синьору Маражано.

Как только за юношей захлопнулась дверь кабинета, ректор повернулся ко мне:

— А теперь расскажите вашу версию, пожалуйста, адепт-ка Къезарро.

— Вы будете слушать воро... — начала было Арисса, но ректор коротко шепнул заклятие, и из её рта вовсе перестали доноситься какие-либо звуки.

— Адепт-ка ди Лепитино, я выслушаю все стороны, в том порядке, когда сочту нужным. Если вы не хотите быть исключенной из академии, вам придётся вести себя более корректно, — холодно произнёс он. Девушка испуганно захлопнула рот — и ректор тут же снял своё заклятие.

Раньше Люциан никогда не был настолько суровым, и вряд ли стал бы угрожать кому-то лишь потому, что его перебили в разговоре. Но видно, его закалили либо потери, либо сложная и нервная работа.

— Я не брала чужих вещей. И пришла на занятие, имея в сумке только учебники и писчие принадлежности. Я даже своих украшений не брала на занятие. Но когда все начали пробовать заклинание, оказалось, что моя сумка забита чужими вещами. Я даже не уверена, что я донесла бы столько всего до кабинета, ректор ди Альтезе. Я готова поклясться магически, что ничего чужого в академии никогда не брала!

Арисса открыла было рот, но встретилась с суровым взглядом ректора, и тут же его закрыла. Я и без того не сомневалась, что бы она спросила. «А не в академии, значит,

брала?» Марцелла никогда не воровала, а вот Аннетка... множество раз. Так что сказать, что я никогда не брала чужого, нельзя было никак. Чары считывали враньё, и я лавировала, пользуясь уроками, полученными от Зерцала Лжи. Даже тогда, когда никаких видимых заклятий на меня не накладывали.

— Хорошо. Раз вы ничего не брали, и согласны проходить проверки, в таком случае, я наложу на вас чары, и буду задавать вопросы. Ваша задача — отвечать на них. Если вы будете говорить правду, то магический шар, который я сейчас достану, будет светиться зеленым. Солжете — красным, — он снова произнёс заклятие, уже другое, и прямо на ректорский стол вплыл белый шар на подставке. — Если вы и сами не уверены в своей правоте, это шар тоже отметит, став ровного жёлтого цвета, — добавил он.

Я приготовилась к допросу.

Глава 5

Марцелла этого знать не могла, но Аннетка была прекрасно осведомлена, что с появлением академии, такие же шары завезли и в управлениях карабинеров. Измеритель Правдивости, как его называл маг-изобретатель, один из первых выпускников Академии Лиарано, был широко известен среди тех, кто принадлежал к городскому дну. Многие обитатели улиц его ненавидели, многие радовались, что теперь могут доказать свою правоту. А некоторые умели обходить магию Измерителя, потому что прибор очень зависел от того, кто его использует и какие вопросы задаёт.

Аннетка, конечно, была из последних. Зерцало Лжи хотел, как умалишенный, когда мы впервые столкнулись с Измерителем.

— Это ж надо было придумать столь чудесный способ самообмана! Даже я до такого не додумался бы! Какая прелестная Академия, и какой полезный Люциан, удачно померла одна принцесса, невероятно удачно.

Насколько хорошо этим прибором владел Люци, я не знала, но надеялась, что в мою пользу сработает тот факт, что я на самом деле не брала чужих вещей. Их взял Хозяин, и подложил их мне. Так что меня действительно подставили, просто я точно знала имя виновника, и не могла о нём рассказать.

Меня усадили за стол, а напротив сели Люциан и преподаватель иллюзий. Шар стоял в центре, и мою руку аккуратно уложили прямо на него. Я едва не вспыхнула, как девчонка, от этого мимолётного и совершенно невинного прикосновения ректора. Он меня даже не помнит. А если и помнит, то едва ли найдёт для своей глупой принцессы хоть одно доброе слово. Жаль, что сердцу не прикажешь, и оно замирало от восторга от каждого мимолётного касания. Даже спустя двадцать лет.

Хорошо, что Ариссу ректор выгнал ожидать своей очереди. От её присутствия и злого взгляда мне становилось не по себе. Столько пережила и испытала, а всякие Ариссы продолжали легко выбивать меня из колеи.

Люци посмотрел на меня успокаивающим взглядом, и чуть улыбнулся:

— Адептка Къезарро, если вы ни в чём не виноваты, то вам нечего и бояться. Этот прибор помогает определить ложь. Я уверен, вы честны с нами, а значит, его использование не доставит вам неудобств.

Я чуть было не ляпнула: «Я знаю», но вовремя спохватилась и ответила иначе:

— Я верю, что в Академии Лиарано торжествует справедливость, и никто не причинит мне вреда.

Шар загорелся лиственным-зелёным светом, освещая комнату. Синьор Маражано тихо усмехнулся себе под нос, но всё же задал контрольный вопрос:

— Как вас зовут?

— Я поступила в Академию Лиарано под именем Марцеллы Кьезарро, — совершенно честно ответила я. Снова ровный зелёный свет.

— Интересная формулировка, — усмехнулся преподаватель иллюзий. Ректор молча посмотрел на нас обоих и задал ещё один контрольный вопрос.

— Скажите, как именно вы поступили в Академию?

Я не стала уточнять, что он имеет ввиду, и ответила на первую пришедшую в голову трактовку вопроса:

— Как стипендиатка, у семьи Кьезарро нет средств, чтобы оплачивать обучение.

Если бы я сказала «у моих родителей», то шар осветил бы комнату красным. У короля Лерне средств хватило, чтобы эту академию учредить. Но я знала, как правильно выбирать выражения. Правда, чем больше я подбирала слова, тем страннее на меня смотрел синьор Маражано. Очевидно, он не знал точно, кто я, но догадывался. Так типично. Мы, слуги своего жестокого Хозяина, всегда друг другу враги, и вынуждены вычислять друг друга, чтобы не получить наказание от Зеркала Лжи.

Шар снова засветился зелёным, и ректор начал допрос:

— Сейчас я буду задавать вам вопросы касательно инцидента на занятиях синьора Маражано. Отвечайте правду и ничего, кроме правды. Это исключительно в ваших интересах, адептка Кьезарро. И постарайтесь отвечать кратко, не

более чем одним предложением. Что нужно, мы уточним.

Я поспешно кивнула.

— Знаете ли вы, когда пропал медальон адепки Лепитино?

— Не знаю, мы с ней не общаемся.

Чистая правда, так что шар загорелся зелёным. Я понимала, чего хотел добиться Хозяин. Ректор должен быть уверен в моей невиновности, а вот другие адепты... сочтут, что я просто удачно обманула и прибор, и Люциана. Фактически, так оно и было, а юность верит чутью. Взрослые же не любят спорить с фактами, поэтому манипуляция была хоть и не особенно сложной, но вполне действенной.

Люциан и синьор Маражано переглянулись, и слово взял преподаватель иллюзий.

— По вашему мнению, по какой причине главным образом она негативно к вам относится?

— Она говорила. Ей не нравится, что в Академию приходят... — я сделала паузу, но Люци кивнул, и я была вынуждена продолжить: — ...безродные нищенки.

Шар, естественно, загорелся зелёным. Я начинала уставать от этого допроса, хотя он только начался.

— Вы не думаете, что адепка Лепитино могла бы вас подставить, чтобы избавиться от вашего присутствия в Академии? — с иронией в голосе поинтересовался синьор Адриан.

— Нет, конечно, это было бы глупо! — вырвался у меня искренний ответ.

Поскольку я прекрасно знала, кто меня подставил на самом деле, шар снова загорелся зелёным. Внезапно, синьор Маражано переглянулся с Люци и бросил:

— Сейчас я задам вам простой вопрос, на который нужно ответить неправду. Сделайте это, пожалуйста.

Я растеряно кивнула. Кажется, он предполагал неисправность прибора. Надеюсь, он не будет спрашивать ничего такого, что напрямую можно отнести ко мне-настоящей, Беатрис из далёкого прошлого. Почему-то, меня пронзил страх, что он может спросить нечто подобное. Хотя я не думаю, что он был старше десяти лет в те времена. Адриан Маражано выглядел очень молодо, моложе всех прочих, хотя общая угрюмость и добавляла ему лет.

— Какого цвета ваши волосы?

Я на мгновение потерялась. Они у меня всегда были разные, у трёх моих личин. У одной — черные, у другой, давно забытой — каштановые, Аннетка и вовсе была блондинкой. Но я никогда не была рыжей, поэтому так и ответила:

— Рыжие.

Шар загорелся жёлтым. Он чувствовал мою неуверенность, точнее, те чары, что наложил на него маг-артефактор. Оба допрашивающих никак не изменились в лицах, но переглянулись, и синьор Маражано сказал:

— На этот вопрос тоже нужно ответить неправду. Сколько вам лет, адептка Кьезарро?

Мне было бы тридцать восемь или около того, если бы я не

погибла как принцесса, от когтей виверны. Или от клыков, но какая, в общем-то, разница? Я ответила легко, сложнее было бы, попроси он сказать правду.

— Шестьдесят.

Шар на мгновение моргнул желтым, но в итоге загорелся ярко-алым. Преподаватели снова переглянулись, и Люциан спросил:

— Адептка Къезарро, вы брали амулет адептки Лепитино?

— Нет, не брала, — честно ответила я.

Шар слегка моргнул в желтый, но всё же засветился зелёным. Преподаватели снова переглянулись, и, наконец, я услышала то, что хотела:

— Что ж, ваша вина не подтвердилась сегодня, вы свободны, адептка Къезарро.

Но почему-то я была совершенно уверена, что на самом деле этот краткий допрос не последняя моя проверка, да и не так легковёрны и Люциан, и, тем более, мой тёмный «коллега» по служению Хозяину. Как минимум, теперь они будут куда внимательнее за мною следить.

Когда я вышла из кабинета, и, по приказу преподавателя, вернулась обратно на занятие, смотрели на меня с нескрываемой неприязнью. Ариссы ещё не было, как и Фабиана Россетти, но в отличие от меня, у адептки ди Лепитино было достаточно приятельниц на факультете. И далеко не все они

появились сейчас, со многими она общалась задолго до Академии, просто в силу схожего положения. А раз уж она уверена, что я воровка, её подружки будут уверены в том же хотя бы и за компанию.

Кроме того, вещи пропали не только у неё, просто про чужие меня почему-то пока не спросили. Я подозревала, что допросов просто будет несколько, и уже от одной мысли хотелось мрачно выть. Ненавижу допросы. В любом обличи — ненавижу! О чём, конечно, прекрасно известно Хозяину. Но если его и волнуют мои чувства, то лишь в том смысле, чтобы я побольше страдала, тем самым доставляя ему особенное удовольствие.

Последнее время я не слышала больше голоса Зеркала Лжи, да и не видела его воочию, к счастью. Однако, его поручение всё равно висело надо мной топором палача, и я прекрасно знала, что мне так уж и много осталось. Теперь эти последние дни были отравлены ещё больше, чем до того, как план Хозяина воплотился. Не впервой. Но скоро это, так или иначе, закончится. А до того... я буду надеяться, что Люциан тоже не поверит в мою невиновность, несмотря на показания артефакта, и тогда всем планам Хозяина самим собой суждено рассыпаться в прах.

Люци всегда ненавидел лжецов и тех, кто пользуется чужим доверием и помощью, втайне презирая помощника. Он был, наверное, полной противоположностью Зеркала Лжи, и оттого, полагаю, Хозяин и мечтал его уничтожить. Не думаю,

что доброе сердце или склонность искать во всём справедливости можно просто так стереть, даже самым огромным горем.

Люциан сильный. Я верю в него, и в то, что самое главное в своей душе он сохранил неизменным несмотря на всё, что выпало на его долю в том числе и по моей вине. Быть может, если бы я осталась принцессой, обучилась бы всему, то могла бы помочь его жене и спасти её...

Впрочем, нет. Беатрис не была способна действительно сочувствовать той, что забрала у неё Люциана. Погибшая принцесса была слишком заиклена на себе, за что в конечном итоге и расплатилась таким посмертием, что лучше бы у неё было настоящее. Хотя вреда бы никому не причинила.

Я прошла к своему месту, погруженная в мысли, и потому почти не обращала внимания ни на глумливые шуточки за спиной, ни на откровенные обсуждения, в которых таилась ненависть. Но резкий толчок в спину проигнорировать не вышло:

— Если ты думаешь, что сможешь просто учиться в Академии, как ни в чём ни бывало, после того, что ты натворила, то ты очень глупая, нищенка! — прошипела малознакомая светловолосая девица, которую я часто видела вместе с Ариссой. Она напомнила мне герцогиню Амаранто, и я готова была предположить, что передо мной её дочь. Но для того, чтобы ответить, её имя не имело никакого значения. Я холодно проговорила, устояв на ногах:

— Вылетишь из Академии ты, за драку. А я ничего не брала. Меня проверили с помощью Шара Истины.

— Какая такая драка, нищенка? Никто не видел никакой драки, не так ли? — девица с превосходством оглядела ауди-торию. Фабиана Россетти всё ещё не было, но, к моему удивлению, он был не единственным, кто не готов потакать таким, как она.

— С чего бы это никто не видел, ди Амаранто? — юноша, который часто сидел вместе с Фабианом, тут же вышел вперёд. — Ты уже не ребёнок, чтобы вести себя как злобная маленькая собачка. Оставь Къезарро в покое. Если её вину докажут, тогда она вылетит, а руки при себе держи. Затем юноша перевёл взгляд на меня, и ещё холоднее добавил:

— Не думай, что я защищаю *тебя*. То, что ты воровка — очевидно. Но если каждого вора толпой избивать, в Академии вовсе не останется достойных. Кроме того, ты одна, а с Айслин будет вся свора Ариссы, это бесчестно. Поэтому, нет, пока рядом кто-либо из *настоящей* аристократии, никаких драк здесь не будет. Но не надейся, что тебе будут помогать или общаться с тобой. Ты этого не заслуживаешь, — и он мрачно уставился на Айслин ди Амаранто, которая под его тяжёлым взглядом села на своё место.

— Спасибо, — всё же сказала я, считая своим долгом поблагодарить. Невольно отвела взгляд, рассматривая пол под ногами. Да, я не делала того, за что этот юноша меня презирует. Но то задание, что мне поручил Хозяин, много хуже.

И если я его выполню, хуже станет всем в Академии, ведь выдающийся ум Люци больше не будет освещать её своим светом. Кроме того, именно благодаря Люциану здесь было столько талантливых преподавателей, которым нравилось то, что они делают, а это вообще бесценно.

Успел ли Люциан найти преемника? Есть ли кому подхватить упавшее знамя, если его не станет? Я очень надеялась, что есть, но если в этом Люци не изменился, то он по-прежнему не умеет разделять ответственность с кем-либо другим, и несёт на своих плечах слишком много. Недостатки есть у всех, даже у него, и стремление сделать всё так хорошо, как возможно, то есть почти всегда самому было недостатком Люциана. Юная принцесса этого не понимала, но то, чем я стала, куда больше знало о мире. К добру или к худу, но сейчас... сейчас мне казалось, что я и не любила его никогда.

Я его просто не знала. И не понимала, почему им стоит восхищаться на самом деле, и дело вовсе не в мягком голосе, тёплой улыбке или лиственнно-зелёных глазах. Просто я совсем не видела за своими фантазиями живого человека. Я и сейчас одновременно боялась его рассмотреть, и ждала этого, как последней милости для преступника на эшафоте.

Юношу, который защитил меня, я перестала замечать, стоило мне задуматься о Люци. Вспомнила о нём, только когда он щёлкнул пальцами перед моими глазами, привлекая внимание:

— Если ты, Къезарро, надеешься, будто прикинешься юродивой, и тебе всё простят, то этого не будет. Но мы — аристократия Лерне, а не свиньи в свинарнике. Поэтому никто не будет тебя бить.

— Спасибо, — повторила я, не зная, что ещё ему сказать. Мальчик презрительно фыркнул и отвернулся. Хотелось ему увидеть, как я отвечу на его помощь. Хотелось, чтобы точно запомнила, что это не жест сочувствия и не жест доброты, а он просто считает избиения ниже своего достоинства и другим адептам так низко упасть не позволит. Вспомнилось. Принцессой Беатрис я тоже боялась показать, что кому-то сопереживаю, особенно когда он был сильно ниже меня по положению. Я и Люциана редко хвалила, или говорила что-то хорошее. Всё больше на него сыпались претензии и упрёки.

Была в этом какая-то справедливость. Я получила всё то, что несла другим, получила сполна, и должна была жить с этим свои последние дни. Впрочем, после того, как тот юноша вмешался, больше никто не пытался меня ударить. Все просто отсели подальше, и я осталась без соседей и за своим столом, и за теми двумя, что стояли рядом. Вокруг меня образовалась пустота, и никто не хотел сесть слишком близко к «нищей воровке».

Зато я хорошо слышала, как меня обсуждают девушки в углу. Они говорили громко, откровенно рассчитывая, что я прекрасно их слышу и мне неприятно. Будь я настоящей

адепткой, так бы и случилось, но я чувствовала в основном грусть и досаду. За них, что они тратят свою единственную жизнь на такую ерунду.

— Наша воровка надеется понравиться ректору, что ли?

— Нет, ты что, куда ей. Синьору Маражано, чтобы тот подтвердил, что ничего она у нас не воровала.

— С таким носом она разве что ослу понравится — он в ней сородича признает! — и дружно расхохотались.

Эта внешность мне даже не принадлежала, да и Хозяин предпочитал красивых рабов, независимо от того, что им нужно было делать. Так что во внешности Марцеллы сложно было бы найти серьёзный изъян на самом деле, а не выдумать его, чтобы оскорбить. Но они пытались, в меру своего сомнительного жизненного опыта и невеликих умений. Забавно, что про шрам ни одна даже не заикнулась. Кажется, никто не посчитал его за недостаток.

Впрочем, вскоре насмешки затихли, потому что адепты сначала слышали шаги, а затем увидели и самого Адриана Маражано.

— Адепты! Я очень сильно подозреваю, что вы решили, будто можете проигнорировать данное вам задание. Я начну с простого: о чём рассказывает первая глава учебника? Адептка ди Лепитино и адепт Россетти скоро вернутся, и им не придётся отвечать на этот вопрос, но вот все остальные... — он криво усмехнулся, и я вспомнила, что этот преподаватель с самого начала вызывал у меня неприязнь. — Адептка

Къезарро, о чём написано в первой главе вашего учебника?

— Не знаю, я не успела его прочесть, — честно ответила я. — Вы и сами хорошо знаете, что я только вернулась с допроса.

Мне не стоило спорить. Нужно было проявить кротость и смирение. Но я ничего не могла поделать с тем, что преподаватель иллюзий — единственный, чьё отношение меня в самом деле задевало. Не потому что я испытывала к нему какие-то светлые чувства. А потому что он был преподавателем. Взрослым, состоявшимся человеком, даже если варлоком Хозяина. А вёл себя ровно так же, как и любой адепт-первокурсник. Люци никогда бы себе подобного не позволил, даже если бы искренне был уверен в моей или ещё чьей-то виновности в преступлении.

— У вас было достаточно времени, чтобы начать, — отрезал он холодно. — Но вы предпочли тратить время на разговоры с другими адептами и пересаживания. Я снимаю ранее заработанные вами поощрительные баллы, вы их не заслужили.

Хотелось спросить, заслужил ли он в таком случае своё место преподавателя, но я сдержалась. Это место... почти вернуло меня в мир живых. Почти. Но мне недолго осталось, и не стоит слишком сильно показывать характер, он всё равно никому не нужен. И всё же с губ сорвалось:

— Конечно, это же тоже власть. Вы вознаградили за верный ответ, вы же награду и отобрали, потому что мнимая

вина вдруг сделала ответ ненастоящим. Весьма удобно, синьор Маражано, но я всего лишь адептка, и в любом случае не могу с вами спорить.

— И если вы продолжите в том же духе, то заработаете ещё штрафные баллы, а они могут повлиять на вашу возможность остаться в Академии Лиарано. Желаете покинуть её ещё до первой сессии?

— Вас не беспокоит, чего я желаю, так делайте, что считаете нужным, — мрачно отозвалась я. Перед глазами стоял образ Зеркала Лжи, и чувствовала я себя так, словно у меня появилось право перечить Хозяину, а не всего лишь преподавателю, и одному из тех, кто, возможно, тоже отравлен ядом варлочества. В этом, а не в баллах был наш глубинный конфликт с синьором Маражано, и он почти наверняка догадывался, что я это понимаю. Ты знаешь, что я знаю, что я знаю. Любимая игра Зеркала Лжи, даже правду заворачивающего в несколько слоёв, в которых так легко запутаться и навредить самому себе.

— Я подам рапорт ректору о вашем поведении, — холодно отозвался синьор Маражано, и в дальнейшем просто делал вид, будто меня не существует. Откуда-то ему было известно о том, кто именно устроил мне смену места, и с кем я общалась до его прихода. Поэтому и подруги Ариссы, и тот юноша, что остановил адептку Амаранто, все вынуждены были отвечать на вопросы, в том числе куда более каверзные, чем содержание первой главы учебника. Но, в отличие

от меня, они были к этому допросу готовы, и с честью выдержали испытание.

После чего остаток занятия прошёл своим чередом. Под конец вернулся Фабиан Россетти, и мрачным взглядом окинул весь курс. На занятиях по иллюзиям были не только бытовики, мы проходили этот предмет совместно с боевым факультетом, и Фабиан явно был знаком с основной частью учащихся. Так я, наконец, узнала, как зовут того юношу, что не позволил случиться драке. Между ним и Россетти явно были какие-то давние счёты, потому что они встретились мрачными взглядами, и тут же начали словесную дуэль:

— Твоя подопечная — воровка. Тебя ничего не смущает, Россетти? — подражая холодному голосу синьора Маражано поинтересовался юноша.

— Меня смущает, что ты так и не научился вести себя так, как должно судье, ди Ларьезе, — ухмыльнулся Фабиан. — Займешь папенькино место, а о том, что вина требует доказательств, так и не слышал. И сколько тебе о том ни тверди, всё мимо ушей пролетает. Видно, слишком сильно от головы отстают. Открыли учёные маги, что мы мозгами думаем, а мозг он где? В черепушке, и как же из неё хоть что-то узнать, когда уши почти сбежали с головы...

— Ты!.. — ди Ларьезе покрылся красными пятнами. — Позорище, а не аристократ! — он брезгливо скривил губы.

— Да куда уж мне до потомка королевского стряпчего, — фыркнул Фабиан. — Где же мне быть аристократом, когда

столь достойные новые лица сменяют старые рода!

— Это было три сотни лет назад! — возмутился Ларьеze. Видно, для него этот вопрос имел значение.

— Вот и я говорю, всего какие-то три сотни лет назад... — насмешливо закончил Фабиан, и собеседник мрачно махнул на него рукой, удаляясь. А Россетти весело мне подмигнул и заявил:

— Не обижайся на него, он просто очень хочет чувствовать себя Настоящим Аристократом. Но что у Ларьеze не отнять, так это порядочность. Пока он среди боевиков, никто из них и сам тебя не тронет, и другим не позволит, — последнюю фразу Фабиан произнёс очень серьёзно. — Кому-то ты так сильно не понравилась, что он или она не поленились тебя подставить. Будь осторожна, и, если что — обращай ко мне или вон к нему, он гадость скажет, но поможет, можешь мне поверить. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо, — растерянно отозвалась я. Вот уж не думала, что среди адептов найдутся те, кто вопреки разуму будут мне помогать. Но Фабиан Россетти нашёлся. И провожал меня на занятия, не навязывая своего общества.

Благодаря его помощи, и тому, что боевики в самом деле не позволяли драк никому, оставшийся день прошёл почти спокойно. Со мной никто не разговаривал, и я ловила злые взгляды адептов, а если кто-то случайно прикасался, то этот человек брезгливо отряхивал руки. Но кроме этого — ничего плохого не случилось. Другие преподаватели, в отличие

от синьора Маражано, сочли, что раз моя вина не доказана, значит, ко мне нужно относиться так же, как к остальным.

Но оставалась одна проблема. У меня была комната, а в ней — две соседки, и вопреки всему пережитому, идя к ним, я чувствовала страх. Незнакомый и очень сильный, какого не испытывала даже когда шла в пасть к виверне. Должно быть, это Хозяин его наслал. Или мне просто хотелось в это верить?..

Глава 6

Когда я пришла, в нашей комнате было темно, и сначала мне показалось, что там пусто. Я почти вздохнула с облегчением, но быстро поняла, насколько заблуждалась. Из полумрака мне в лицо банально, безо всякой магии влетел кулак Лив, показавшийся огромным. Соседка молча присовокупила к нему второй, тоже удивительно тяжёлый для девушки. Хотя... там, откуда она, женщина в двадцать лет запросто могла иметь двух детей.

И если у Лив их не было, то, несомненно, именно благодаря этим кулакам, а не потому что к ней был кто-то добр. Эти мысли пронеслись в голове быстрее, чем меня догнала боль, и я не стала пытаться ей доказать, что ничего не брала. Только тихо сказала:

— Вылетишь из академии за драку, и... плакал твой шанс.

Вторая соседка, не тронувшая меня и пальцем, злорадно прошипела:

— Не верещи, воровка, я купол поставила, никто не услышит!

— Ну и дура. Твою магию засекут и скоро тут будут деканы и ректор, — отозвалась я, пока мне не влетело третий раз. Челюсть теперь нещадно болела, второй синяк пришёлся на рёбра, и чувство было такое, словно одно из них пошло трещинами. Но Аннеткой я переживала и не такое, поэтому

у меня даже не изменился голос.

Я оказалась совершенно права. Спустя четверть часа, или даже раньше, к нам явилась Алиссия в сопровождении малознакомой мне женщины. Я вспомнила её портрет. Декан бытового факультета, Рейна ди Скарпо. Удивительно, но она редко показывалась своим студентам. Только нам здесь повезло из-за того, что устроили мои соседки.

— Что здесь происходит, адепки Кьезарро, Ливино и Бьянко?! Почему на ваши комнаты сработало сразу два защитных заклинания, вылететь хотите с первого же курса?!

Она вроде бы была ухоженной, носила высокую причёску и преподавательскую форму по фигуре, но некоторые прядки подозрительно торчали, а румяна на щеках лежали очень уж неровно. Кроме того, я обратила внимание, что она не в мантии, а в пиджаке и юбке, и юбка одета несколько небрежно. Карие глаза этой женщины, моей ровесницы, если бы я имела тело своего возраста, выдавали гнев, да и в тоне я слышала визгливые нотки. Видно, мы от чего-то её отвлекли, и ей это очень не понравилось.

— Извольте объясниться, — куда более лаконично, но в то же время и более весомо потребовала Алиссия. — Адепка Кьезарро, изложите свою версию событий.

Я решила, что не буду сердить её ещё больше, и очень спокойно ответила:

— Я случайно ударилась в темноте, и вскрикнула. Резанна испугалась и инстинктивно использовала первое заклина-

ние, которое вспомнила. Думаю, это должен был быть щит, но что-то пошло не так. Простите, что мы вас потревожили.

Девицы сначала обернулись на меня, но быстро сделали вид, что ничего удивительного не произошло.

— Да, всё так и было, я случайно перепутала формулу, — неуверенно улыбнулась Резанна.

Но к моему удивлению, Лив поступила совершенно неразумно.

— Брехня это всё. Мы не хотим жить с воровкой и лгуньей. Она и вам лжёт, хотя могла бы сказать правду.

— Лив, если ты скажешь то, что собираешься, у тебя никакого шанса не будет, — тихо процедила я. — Хочешь мужа-выпивоху и десяток детей?!

Но Лив не вняла гласу разума:

— Я ей ребра пересчитала. Была не права, надо было к вам прийти. Наказывайте, как считаете нужным. Но воровку тоже накажите, — буркнула она целых четыре фразы подряд, но в своей обычной манере.

Алиссия мрачно вздохнула и посмотрела на свою коллегу:

— Я думаю, адепток Альтезе и Бьянко придётся отвести к ректору. Согласно уставу, подобные проступки должны вести к исключению, но...

— Вот и веда, — кивнула декан. — Раньше отведёшь, раньше освободишься. А вы, — она посмотрела на Резанну... — Сейчас я сделаю вид, что вы не при чём, вы никогда не били. Но впредь извольте научиться обманывать более

качественно, а лучше просто прекратить это делать. Следующий проступок будет грозить вам исключением, если вас на нём поймаю я. Всё ясно?

Резанна закивала. А мы снова отправились к Люциану... Алиссия даже не сказала ничего, только кивнула нам на дверь. Правда, стоило нам выйти, как куратор с подозрением сощурилась, глядя на меня, и резко вскрикнула:

— А ну стоять!

От неожиданности я замерла и поморщилась от боли. Мало того, что я невольно открыла рот, и из глаз брызнули слёзы, так и рёбра тоже напомнили о себе. Лица я не удержала, хотя до того успешно делала вид, что ничего страшного не произошло.

Алиссия недовольно цокнула языком.

— Так я и думала. Вам нужна помощь целителя, адептка Къезарро, а потом уже общение с ректором и с кем угодно ещё. Адептка Бьянко, правильно ли я понимаю, что это вы ударили однокурсницу?

— Молчи! — одними губами произнесла я. Мне не хотелось, чтобы эта девушка лишилась будущего из-за козней Хозяина. Но та была непреклонна:

— Сказала же сразу. Рёбра ей посчитала, — отозвалась та, мрачно глядя себе под ноги.

С её признанием я уже ничего не могла сделать, но, видно, Алиссии тоже не хотелось исключать её, потому что куратор поинтересовалась:

— Ты понимаешь, что можешь из-за этого вернуться домой? Второй раз в академию тебя уже не возьмут. Зачем ты это сделала?

— Воровку проучить, — упрямо поджала губы Лив. — Не буду я врать даже ради того, чтобы тут учиться. Я это сделала. Вот и решайте. А врать — не буду.

Алиссия только головой покачала.

— Ладно, пусть синьор ди Альтезе решает, что с вами обоими делать. Пока что адептке Къезарро нужен лекарь.

Дальше мы шли молча, и я впервые в жизни оказалась в лазарете Академии. Да и в принципе в лазарете. Аннетку лечили на бегу, принцесса Беатрис имела придворного целителя, и кроме того всегда могла попросить о помощи Люциана.

Мне не с чем было сравнить, но здесь это оказалось просторное помещение в песочных тонах с софой, на которую меня тут же усадили. Главной выглядела пожилая женщина в длинной песочной мантии с убранными под смешную шапочку волосами, а рядом сновали девушки моложе, носившие кремовые мантии. Женщина в песочном раздавала им распоряжения уверенным командным голосом, и большая часть её подчиненных исчезали за дверью в другом конце лазарета.

— Иди к адепту Къелини, у него вторая стадия заживления глубоких ожогов, нужно сменить мазь и поделиться целительской силой. К утру как новенький будет, но следи, чтобы принимал вовремя обезболивающий отвар, иначе ему эта

ночь вечностью покажется. Под твою ответственность, нужно будет заглядывать...

Затем женщина увидела нас, и, не закончив раздавать распоряжения, тут же твёрдым уверенным шагом пришла ближе. И спросила:

— Алиссия, что с этими девочками? Это что-то срочное? Она кивнула на меня:

— Адептке Къезарро «пересчитали рёбра», — тон Алиссии был весьма мрачным. — И, кажется, что-то с челюстью. Если тебя не затруднит, помоги девочке сразу, нам ещё с ректором общаться.

— Да это мелочи, сейчас, — кивнула женщина, чьего имени нам так и не назвали. Она подошла ближе, сделала несколько загадочных пассов руками и прошептала заклятие. Потом серьёзно посмотрела на меня и сообщила:

— Трещина слева на десятой паре рёбер, ушиб челюсти. Пудовые кулаки были у того, кто тебя ударил, адептка. Сиди спокойно и смотри прямо перед собой, сейчас мы всё исправим. К счастью, для магии костные травмы — самые простые, то ли дело ожоги...

Она взяла моё лицо за подбородок, и провела ладонью, светившейся теперь светло-зеленым, по челюсти. Сначала я почувствовала тепло, затем боль начала утихать. То же самое она сделала и с ребром, так что после общения с целительницей я чувствовала себя так, словно никто меня и не бил. Но женщина вбила ещё один гвоздь в крышку гроба Лив:

— Я отправлю доклад ректору касательно этого происшествия, он должен быть у него ещё раньше, чем вы дойдёте до кабинета. Полагаю, раз на второй девушке повреждений нет...

— Да, это я, — буркнула Лив.

— Повезло тебе, что не магией, — фыркнула целительница. — Тогда бы точно вылетела, а так может и простят. Если очень повезёт. Всё, свободны, Алиссия — будешь должна.

Правда, выйти из лазарета мы не успели. Нос к носу столкнулись с Люцианом, отчего я даже вздрогнула. Зелёные глаза горели так ярко, что не оставалось никаких сомнений: он в бешенстве.

Алиссия тоже прекрасно поняла состояние ректора академии, и робко произнесла:

— Синьор ди Альтезе?

— Мне доложили, что вы направляетесь ко мне по вопросу избияния одной адептки другой, — холодно произнёс он. — Я решил вас встретить. Пока мы с вами дойдём до моего кабинета, вы, Алиссия, как раз успеете рассказать, как вы это вообще допустили. А с девушками я пообщаюсь уже на месте.

— Да, синьор ди Альтезе.

Я надеялась послушать, о чём они будут говорить, но Люци сразу же сотворил незнакомое мне заклинание. Теперь я прекрасно видела их обоих, следовала за ними вместе с Лив, но не могла разобрать ни слова. Для меня они беззвучно ше-

велили губами, а научиться читать по ним мне так и не удалось, даже когда это требовалось для заданий Хозяина. Его голоса я тоже не слышала, так что мы с Лив в некотором роде остались наедине.

Однокурсница молчала, угрюмо глядя мимо меня. Глаза Люциана, обращенные на синьору Алиссию, метали молнии, а она смотрела себе под ноги, не решаясь поднять на него взгляд. Не нужно было слышать, о чём они говорят, чтобы понять: ей здорово влетело за поступок Лив, и Люциан не счёл оправданием то, что мы взрослые люди и сами за себя отвечаем. Или любые другие слова куратора, которые я могла лишь предполагать.

Вновь услышала голос ректора я в тот момент, когда мы перешагнули порог его кабинета:

— Лив Бьянко, вы понимаете, что за ваш поступок самое разумное наказание — это исключить вас, пока вы не сдали первую сессию и не стали полноценной адепткой Академии? — спросил он, усаживаясь в кресло. Мы же встали перед его столом, не решаясь ни присесть, ни возразить.

— Да, я понимаю. Я так и думала, — буркнула Лив.

— И вы не будете оправдываться? Пытаться защитить свою позицию? — уточнил он незнакомым мне тоном. Как будто что-то для себя решал.

— Я правда ударила воровку. Несколько раз. Если за это полагается исключение — исключайте. Врать не буду. Каять-ся тоже.

Я не выдержала:

— Не нужно её исключать! Там, откуда она, она пропадёт!

Знакомо-незнакомый взгляд ректора впился в меня, отчего-то напомнив такие же тяжелые взгляды Зерцала Лжи. Сейчас я чувствовала себя настоящей адепткой, а не подменной.

— Это ведь вас она ударила, адептка Къезарро. При том, что ваша вина не доказана, и мы с синьором Маражано склоняемся к тому, что вас и правда изощренно подставили. Почему вы её защищаете?

Я упрямо поджала губы.

— Потому что она всего лишь поступила так, как велит её совесть. И не стала ни прятаться, ни лгать, ни изворачиваться. И потому что, если она вернётся, её ждёт короткая и бесславная жизнь, а здесь у неё и её дара есть шанс. Если хотите кого-то исключить, исключите меня! Не будет меня, ни у кого не будет повода страдать, — в этот момент я ощутила болезненный укол где-то внутри.

Хозяин был очень недоволен моими словами и напоминал, чем они могут обернуться. Обещание боли опалило так сильно, что слёзы едва не брызнули из глаз, но я даже не переменилась в лице. Я должна была защитить эту глупую юную девочку, которая не понимала, чем на самом деле грозит ей исключение. Пока она была подающей надежды магессой, даже там, на социальном дне, к ней относились иначе.

Родители и семья наверняка рассчитывали, что она вы-

рвется из нищеты, и заберёт их с собой. Если же она вернётся... в Лерне пока нет других академий, как было до Тёмных Веков, Лиарано — единственная. А значит, глупая и излишне честная Лив ответит за свой провал куда серьёзнее, чем может сейчас представить. Я не хотела ей такой судьбы. Да что уж там... я почти никому не хотела такой судьбы, и дело было не в Лив, и не в том, что меня подставили.

— Адептка Бьянко, вам есть, что сказать? В своё оправдание ли, или в поддержку слов адептки Къезарро? — взгляд Люциана стал изучающим, но теперь был направлен не на меня. Мои слова он принял к сведению, кивнул, но ничего не стал отвечать.

— Я не знаю, почему она меня защищает, — буркнула Лив. — Не так у нас и плохо... наверное. Меня не били особо. Только по делу.

Я не выдержала:

— Тебя — не били. А других? Твоих сестёр, подруг, мать и её подруг? Ты никогда не думала, почему тебя не трогают, а их — да?

Боль стала ярче. Хозяин явно полагал, что я действую во вред его заданию, но пока не считал нужным вмешаться всерьёз. Я привычно проигнорировала её иглы.

— Откуда ты... — лицо Лив вытянулось, а глаза расширились. Она забыла про ректора, кажется, наконец начав сообщать, что именно её хранило все годы её детства и юности. Через некоторое время я поняла, что она больше не смотрит

на Люциана с равнодушной готовностью принять свою судьбу. Нахмуренные брови сменил подозрительный блеск глаз, но она молчала. Наконец, понимая, что от неё ждут ответа, Лив осторожно ответила:

— Я... Я правда нарушила ваши правила. Если за это положено исключение, я же ничего не смогу с этим сделать, верно? Испустить свою вину?

— Ну почему же, — криво усмехнулся Люциан, которого я в этот момент совсем перестала узнавать. — Вы можете принести публичные извинения за то, что посмели поднять руку на другую адептку, и за нарушение правил Академии. Тогда, в связи с заступничеством пострадавшей, я буду готов пойти вам навстречу, и оставить вас до первого нарушения. Но если вы оступитесь ещё хоть раз — снисхождения не будет. Кроме того, до сдачи первой сессии вам будет запрещено общаться с другими адептами, покидать свою индивидуальную комнату вне занятий или иных необходимых к посещению мероприятий, а также любые контакты с внешним миром, включая письма родным. Я не потерплю драк в стенах академии. Если такая альтернатива вас устраивает, то у вас есть время до завтрашнего полудня, чтобы самостоятельно организовать публичные извинения. Справитесь — останетесь учиться. Нет — значит, для вас возможность обучения оказалась не так ценна, как виделось вашей пострадавшей сокурснице.

— Я... Я всё сделаю, синьор ди Альтезе, — тихо отозва-

лась Лив. Потом помедлила, но всё же посмотрела на меня и сказала: — Спасибо. Я... Мне теперь кажется, что это не ты.

— Свободны, адептка Бьянко, — холодно отозвался Люциан. — А вас я не отпускал, — тут же повернулся он ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.